

Эльдар ВОРОНЦОВ

Журнал «Простор» поздравляет финалистов конкурса романов о современном Казахстане «MECENAT.KZ» 2024 года и представляет читателям выбор редакции – роман Эльдара Воронцова «Алмазные двери» и заключительное стихотворение из романа «Возвращение» Асель Омар.

Эльдар Воронцов – журналист, поэт, писатель. Окончил факультет журналистики МГГЭУ. Работает радиоведущим на канале социально-общественного интернет-радио «Sector-X», живёт в г. Алматы.

АЛМАЗНЫЕ ДВЕРИ

Глава 1

Дом-призрак. Алматы. Наши дни

Короткий майский дождик совершил своё благое дело – освежил городские улицы, прибил к земле пыль и копоть переполненных автомагистралей. Засияли снежные пики гор Алатау, благодарно защебетали птицы.

Улыбнулся и пролетел на своем пегом коне по небу Бог Тенгри, а влажные кусты сирени помахали ему вслед душистыми кисточками соцветий. Но кто из горожан обратил на это внимание? Будним майским вечером, словно пчёлы к ульям, торопятся алматинцы к своим жилищам, торговым центрам, кафешкам, кинотеатрам. Несется и растекается человеческий поток, заполняя улицы и дороги.

Ярко-желтый автомобиль скорой помощи с трудом лавировал в плотном потоке машин, медленно ползущих по улице Жансугурова. Сидевший за баранкой Валентин Иванович Иммель, лысый здоровяк с внешностью бывшего пирата, костерил про себя на чём свет стоит упрямых участников дорожного движения, заслоняющих проезд. Конечно, можно было дорожных тугодумов и в голос припечатать – закон на его стороне, только уж больно не хотелось будить сладко посапывающую на соседнем сидении худенькую докторшу. Такими темпами ещё минут пятнадцать пилить. «Спи, Каниша, спи...» – думал он, стараясь управлять машиной как можно плавнее.

Он не включал сирены и не сигналил. Ну какой в этом смысл, если даже по встрече не уйти? Ездить в час пик в двухмиллионном городе без дорожных пробок нереально. Ясно-понятно – Алматы не Токио, да вот только если пропускная способность дорог рассчитана на количество транспорта в де-

сять раз меньше, то километровые заторы обеспечены. А сегодня так тем более, Жума мубарак, благословенная пятница – день особый!

Как сказано в Священном хадисе: «Иудеи выбрали себе субботу, христиане – воскресенье, а мусульманам Аллах даровал пятницу». Сегодня все городские мечети от прихожан полны, поэтому и стихийные парковки на проезжей части растягиваются на целые километры, занимая и без того дефицитное полотно дороги. Но тут уж ничего не попишешь – святое дело, придётся потерпеть неудобства.

Из придорожной кафешки крепко пахнуло жарящимся на мангале мясом. Валентин Иванович сглотнул слюну и подумал, что хорошо бы перекусить, но шелестеть целлофаном, вытаскивая прихваченный из дома курт, не стал, боялся разбудить Канишу.

Грубоватый и резкий в обычной жизни, рядом с ней он вёл себя иначе – говорил вполголоса, что при его природном басае было непросто, избегал гусарского юмора, да и вообще старался без особой надобности рта не раскрывать. Спросит-ответит, она молчит, и он рядышком слова не проронит. Позволял себе лишь украдкой, вполглаза, ею любоваться. А как не любоваться такой лебёдушкой? Ведь эта женщина, с копной мягких седеющих волос, узким лицом и потрясающими глазами янтарно-медового цвета ему с первого выезда понравилась. Как увидел её в светлом форменном костюмчике, с тугим пучком волос на гордо поднятой голове, так сердце и защемило. Как есть птица-лебедь! Красивая и неприступная.

Может, кто-то скажет, что, дескать, не молодая уже доктор Каниша Биржановна Турсунова, и волосы с проседью, и морщинки вокруг глаз. Только Иммелю и её седина, и морщинки очень нравятся, так нравятся, что смотрел бы, глаз не отводил... Но всё это только мысли. Вслух Валентин Иванович никогда в своей симпатии не признается – где он, а где она?! Непреодолимая пропасть между ними. Как говорит современная молодёжь, с его-то бэкграундом такие женщины не по Сеньке шапка. Любоваться – любуйся, но не более того.

Нижняя часть Алматы – сплошь частные застройки. Стоят домики, прильнув друг к другу глухими заборами, только крыши торчат. Крутых современных коттеджей в этом районе негусто. Те, кто побогаче, предпочитают верхнюю часть мегаполиса, чтобы к горам поближе. Там домищи так домищи! Не хуже, чем у заграничных толстосумов. А здесь, по пути к железнодорожному вокзалу, в большинстве своём теснятся одноэтажки середины прошлого века. Сделанные из глины и камышовых матов, в своё время они помогли решить проблему жилья в сейсмоопасном регионе, а сейчас словно осиротели. Наступает на них со всех сторон высотное строительство. Новый век – новые технологии! Не боятся сегодня землетрясений алматинские небоскрёбы.

Поглядывая в навигатор, Валентин петлял по узким проулкам почти впритирку к заборам. Неожиданно прямо перед ним из открытых ворот дёрнулся навстречу внедорожник.

– Ты что творишь? – не сдержавшись, гаркнул Валентин и резко нажал на тормоз. Машина вздрогнула и остановилась.

Водитель джипа извиняющимся жестом приложил руку к сердцу.

– Прости, брат! – крикнул он, сдавая обратно во двор. От резкого торможения и короткой перепалки проснулась Каниша.

– Всё в порядке, Валентин Иванович? – поправляя волосы, поинтересовалась она. – Уже приехали?

– Почти, – пробурчал Валентин, – следующие ворота наши.

Припарковавшись около высоченной металлической ограды малинового цвета, Валентин, поискав глазами калитку, кивнул на неё докторше:

– Звонок вроде есть. А хотите, Каниша Биржановна, могу с вами пойти?

– Ну что вы, я сама, – улыбнулась женщина и, подхватив врачебную сумку-укладку, ловко выбралась из автомобиля.

* * *

Каниша не успела дотронуться до кнопки звонка, как ворота перед ней распахнулись, будто за створкой дежурил услужливый швейцар. Сделав пару шагов внутрь двора, женщина осмотрелась – никого. Доктор Турсунова – не робкая дамочка, за годы работы на скорой помощи многого навидалась. Все люди разные, по-разному живут и врачей по-разному встречают. Но вот такая тишина настораживала. Похоже, одинокий человек сам для себя скорую вызвал. Возраст Миржана Сабитова, на которого был оформлен вызов, весьма почтенный, поэтому она, не раздумывая, поспешила по узенькой тропинке к виднеющемуся в глубине двора зданию.

Дом был старый и как будто заброшенный. Поднявшись по скрипучим ступеням на крыльцо, доктор почувствовала, как из открытой покосившейся двери на неё повеяло сыростью и запустением. А ещё удивила паутина... Огромные пыльные лохмотья свисали из углов дверного проема. Каниша в нерешительности остановилась.

– Проходи, не стой, заждался я, – послышался изнутри приглушённый мужской голос.

– Иду, – отозвалась женщина и, шагнув за порог, оказалась в светлой, абсолютно пустой прихожей с металлической дверью посередине. Дверь показалась знакомой. Точь-в-точь такая же, выкрашенная серой краской дверь, была у неё в квартире. Ещё муж устанавливал лет тридцать назад.

На долю секунды стало трудно дышать и слегка закружилась голова. Каниша сделала глубокий вдох и, потянув на себя ручку, вошла в дом.

Сразу за дверью оказалась жилая комната. В комнате с весьма скромной мебелью было на удивление свежо и чисто. Диван, два старомодных кресла с полированными подлокотниками и журнальный столик, покрытый вязаной белой салфеткой – всё в идеальном состоянии. И как же трогательно на фоне этого порядка смотрится лежащая на столике пухлая тетрадь с изображениями мультяшных птичек и кошечек на обложке. Каниша не удержалась и, подойдя к столу, заглянула вовнутрь тетрадки. Прочитав несколько строк, написанных похожим на мужской угловатым почерком, обнаружила, что перед ней всего лишь кулинарные рецепты. «Наверное, тут живёт холостяк», – подумалось ей, и, пройдя через комнату к виднеющейся напротив белой двери, она двинулась дальше.

Следующая комната также оказалась проходной. У Каниши возникло чувство, будто она наведалась в больничную палату, где всё насквозь пропахло лекарствами. Кровать, не накрытая покрывалом, была заправлена постельным бельём в светло-голубую полоску. Опытный глаз медика тут же заметил подложенную под тонкую простынку непромокаемую клеёнку. На прикроватном столике пузырьки, а в пластиковом контейнере бластеры с таблетками. Около стены, рядом с дверью, пустовало инвалидное кресло-каталка, на сиденье которого лежала забытая кем-то расчёска с несколькими длинными рыжими волосами, явно принадлежавшими женщине.

– Хозяева! – крикнула доктор, но, не дождавшись ответа, была вынуждена пройти насквозь и эту комнату.

Путешествие через проходные и явно обжитые комнаты несколько смущило Турсунову. Она словно без спроса вторгалась в чужие миры, отчего в душе нарастало волнение.

Следующая комната удивила своим неожиданным интерьером – её стены были из дерева! Причём это были не доски, а крупные брёвна, покрытые лаком. Каниша не удержалась и потрогала их. На вешалке висели яркие пуховики, а в углу стояло несколько пар лыж. Но больше всего удивил камин. В этой небольшой комнате был настоящий, облицованный тёмным камнем камин, на верхнем выступе которого громоздились смешные фигурки семейства Мумитроллей. В детстве Каниша обожала этот финский мультитик, да и своему внуку Ержанчику читала эту сказку. Напротив камина, вдоль стены, громоздился диван с раскиданными на нём разноцветными подушками и мягкими детскими игрушками. Однако, как и все предыдущие комнаты, это помещение было безлюдным и тоже заканчивалось дверью.

– Уважаемые, вы меня слышите? – не скрывая раздражения, снова крикнула Каниша.

Но и на этот раз никто не отозвался.

«Дело плохо», – подумала доктор и в поисках пациента перешла в другую комнату.

Теперь перед Канишой был роскошный кабинет, обставленный дорогой мебелью. На письменном столе стоял включённый ноутбук, по экрану которого, стремительно сменяя друг друга, неслись столбики цифр, а в то и дело всплывающих «окнах» возникали изломанные кривые каких-то графиков. С краю столешницы – стопка книг и футляр для очков. Около стола – кожаное кресло с прислоненной к нему темной тростью, на жёлтом металлическом набалдашнике которой была выгравирована большая восьмёрка.

Каниша взяла трость и легонько постучала ею по столешнице. Никто не отозвался. Не обнаружив хозяина кабинета на месте, Каниша направилась к следующей двери. Она дёрнула за ручку и неожиданно оказалась на уличной террасе, выходившей в сад. Ничего не понимая, она сделала несколько шагов вперёд. В этот момент дверь за её спиной неожиданно захлопнулась, и в тишине, с обратной стороны двери, раздался звук проворачивающегося в замке ключа.

– Что за дурацкие шутки! Немедленно откройте! – кипя от негодования, Турсунова достала из кармана телефон и попыталась набрать Валентина Ивановича. Ничего не вышло, телефон предательски показывал полное отсутствие сети.

– Эх, если бы отсюда можно было связаться с кем захочешь, люди бы перестали бояться смерти! – голос доносился откуда-то из-за деревьев.

Каниша почувствовала, как по телу пробежала крупная дрожь.

– С кем я говорю? Вы где? Что происходит? – стараясь не паниковать, громко выкрикнула она.

– Я здесь, прямо перед тобой!

Среди зарослей вишни, сливы и старых яблонь, прислонившись к стволу одного из деревьев, стоял худощавый парень в чёрных джинсах и вязаной серой кофте с капюшоном, надвинутым на голову так, что рассмотреть лица было невозможно.

Сердце Турсуновой пронзительно заныло. Вязаная кофта... Очень похожую кофту для её бывшего мужа связала Роза. Алмаз обожал обновку. Он был большим модником, её давно пропавший муж.

– День добрый! Где больной? – срывающимся голосом произнесла Каниша.

– Какая же ты красивая, моя малышка! – грустно отозвался незнакомец.

– Послушайте, немедленно отведите меня к больному! Я на работе! – командовала Каниша.

– Прости, не получится, – как ни в чем не бывало ответил человек, – это я тебя вызвал! Дыхание умирающего – мостик между мирами. Я рискнул и пришёл... Живи рискуя, умри со славой! Помнишь?

Парень откинул капюшон, и Каниша попятилась, зажав рот рукой. Это был Алмаз. Точно такой же молодой, как тридцать лет назад. Скуластое лицо, глаза с весёлым прищуром и длинная косая чёлка. Но как?! Почему он не изменился?

– Алмаз? Это ты? Где ты был, чёрт тебя побери! Что с моим братом? Что с Эльвирочкой?

Каниша ринулась к деревьям. Она бежала по заросшему саду, который становился всё больше и больше, словно не разрешая ей приблизиться к мужу. Она путалась в высокой траве, падала, запинаясь за корни деревьев, а гибкие ветки кустарников больно хлестали её по рукам. Она выдохлась, так и не достигнув цели. Каниша закрыла глаза и заплакала. А когда успокоилась, то с удивлением увидела, что снова стоит на террасе, только теперь повсюду лежит белый снег.

– Каниша, ты должна меня простить! – вновь донесся до неё голос Алмаза. – Так будет лучше для всех!

– Для кого для всех? – превозмогая страх, еле слышно проговорила Турсунова.

– Для твоего брата Амантая и нашей старшей дочери Эльвиры! Они живы! Найди их! Ты сможешь!

– Как живы? Это неправда!

Больше тридцати лет прошло, как пропали Амантай, Алмаз и Эльвирочка. Не умерли от болезни или катастрофы, не были убиты или замучены злодеями... Они исчезли. Её родные мужчины сбежали, прихватив с собой двухгодовалого ребёнка! Ни писем, ни могил, ни известий – ничего. Были люди – и нет людей...

Каниша изо всех сил помотала головой, пытаясь вырваться из плена поглотившего её наваждения. Нужно взять себя в руки! Нужно вернуть контроль над сознанием! Всё, что сейчас происходит, не больше чем игра воображения!

– Не сопротивляйся, а потерпи. Здесь другие правила, – казалось, Алмаз шепнул ей это в самое ухо. – Тебе придётся окупиться в воспоминания и двигаться дальше. Хозяева комнат откроют секреты, первая дверь откроет возможности...

Последние слова Каниша уже не слышала, бурный поток воспоминаний накрыл её с головой. Она вдруг явственно осознала, что заново вернулась в тот проклятый декабрь девяносто пятого года.

Ранний вечер. Она, счастливая, возвращается по хрусткому снежку из женской консультации домой. Бредёт по заснеженной аллее, вдыхая свежий морозный воздух. На ней лёгкая, как пёрышко, модная шубка с большим капюшоном, из-под которого на грудь спускается длинная тугая коса.

Белоснежную норковую красоту ей на двадцатилетие брат Амантай подарил, а Алмаз подарил серьги с настоящими бриллиантами. Серёжки не покупные. Они сделаны на заказ в далёкой Якутии, куда муж частенько летал по своим делам. Серьги выполнены в форме золотых ромашек с сердцевинкой из драгоценных камней, а на обратной стороне малюсенькие гравировочки в виде знака бесконечности, напоминающего лежащую восьмёрку. И это не просто так... Так выглядит тамга её предков аргынов. По поверью, тамга приносит удачу и оберегает от бед.

Девчонки на курсе от такой красоты обалдели. Пришлось соврать, что камни в серёжках искусственные. Зачем злить лишний раз? Ведь все и так ей завидуют: муж – состоятельный красавец, брат – бизнесмен, дом – полная чаша. А сейчас ещё и второго ребёнка родит, без отрыва от учёбы. Замечательная судьба у Каниши Турсуновой, всем бы такую!

Доктор, делавший осмотр, сказал, что её вторая беременность протекает нормально, и к лету у них с Алмазом родится ещё один ребёнок.

«Хорошо, что к лету, – радовалась Каниша, – экзамены за третий курс можно договориться и сдать до наступления сессии». Не откажут в деканате молодой мамочке, щедрый муж которой не забывает одаривать преподавателей продуктовыми пакетами.

Каниша поначалу Алмазу выговаривала, мол, ни к чему это, когда она и сама нормально с учёбой справляется. Не отличница, конечно, но твёрдые пятёрки и четвёрки в зачетке – личная заслуга. Алмаз отмахивался: «Отстань, малышка! В наше время никто от подарка не откажется. В магазинах ноль по-вдоль, а я им водочки финской, рыбки норвежской, ветчинки венгерской... Думаешь, раз “преподы”, то святым духом питаются? Нам нужно Аллаха благодарить, что они вообще работать продолжают, а то бы присоединились к своим коллегам на рынке, а на институт замок повесили».

Прав Алмаз, всегда прав! Он про жизнь и про людей больше неё понимает. От этого и скрытничает. Про их с Амантаем бизнес из него клещами ничего не вытянешь. «Меньше знаешь, крепче спишь, малышка!» – вот и весь ответ. Только как крепко спать, если у мужа то рука в гипсе окажется, то пистолет в ящике стола обнаружится.

«Может, второй ребёнок его остепенит?» – думает она, возвращаясь пешком домой, разглядывая длинные тени деревьев на снегу, кажущиеся голубоватыми в наступающих сумерках. Ей очень хочется, чтобы Алмаз поскорей закончил со своим непонятным ей занятием всё время выполнять чьи-то распоряжения. Бежать, лететь, ехать, срываясь в любое время суток. Ей хочется, чтобы он обзавёлся нормальной работой: кабинет, стол с креслом, машина, подчинённые. Алмаз только смеётся, когда про это слышит. Говорит, что пока рано... Пока они с Амантаем накоплением капитала заняты. Только чувствует её сердце – будто канатоходцы в цирке ходят муж и брат над пропастью по тонкой струнке. Чувствует и молчит, не осмеливается перечить любимым мужчинам.

Ничего не поделатъ – время такое! Все в девяностых крутятся и рискуют. Предприятия закрываются, зарплату задерживают, в магазинах пустые полки, даже бывшие учителя, ярые поборники советской морали, ездят в Китай за товаром, переквалифицировавшись в торгашей. Зато у неё дома и холодильник полон, и в нижнем ящике комода лежат приличные пачки денег.

– Ты мне пятерых детей роди! – всегда шутил Алмаз. – Пусть две старшие девочки будут, а потом троих сладеньких маленьких джигитов!

– А ничего, что я мечтаю врачом стать? – шутило возмущалась Каниша.

– Станешь! – уверял муж. – Дети карьере помехой не будут! Лет через пять накоплю на огромный дом и целый штат прислуги тебе найму. Будешь как ханша жить!

А братец Амантай только другу вторил:

– Давай, давай, сестренка! Сделай из меня счастливого дядю. Я своих племянников не обижу! Да и честно сказать, чем у вас детей больше будет, тем ко мне родители меньше с женитьбой приставать станут.

– Правильно пристаю – жениться пора! – соглашалась с родителями Каниша.

– Нет! Только после сорока! – смеялся брат. – Сначала намеченное доделать нужно. У нас с твоим мужем на ближайшие десять лет грандиозные планы.

– А любовь? – удивлялась Каниша. – Разве может человек без любви жить?

На её слова Алмаз и Амантай только переглядывались, а брат шутил, дескать, без любви прожить можно, а вот без денег – нет.

Ну и ладно, им виднее, уступала она мужу и старшему брату, не мне их поучать!

Вот ещё год назад она и мечтать не могла, что муж купит трёхкомнатную квартиру рядом с проспектом Абая. На приобретение панельных хором ушла уйма денег – целых пять тысяч долларов США. Ремонт тоже встал в копеечку – почитай ещё полтысячи улетело. Но главной достопримечательностью их нового жилья стала толстая металлическая дверь. Такие в те годы редко кто ставил. Многие соседи даже поглазеть приходили, шептались, дескать, у молодой семьи богатства разного много, раз такую дверь установили.

А ещё в новую квартиру Алмаз привёз из аула одинокую родственницу, для помощи по дому. Тётя Роза была незаметной, как мышка, разговаривала тихо, с малышкой нянчилась с удовольствием. Но самое главное, Роза разговаривала с Эльвирочкой только на казахском, пела ей песни, рассказывала сказки. Алмаз и Каниша этому радовались, они восхищались, как их малютка уже в два годика легко переходила с русского на казахский, стоило Розе появиться рядом или взять её на руки.

Однажды по телевизору показали пятилетнюю девчущку, которая свободно разговаривала на семи языках, включая арабский и китайский.

– Наши дети тоже будут знать несколько языков! – тут же воодушевился Алмаз. – Пусть перед ними будут открыты все дороги! Пусть они объедут весь мир! Пусть получают самое крутое образование и живут где хотят.

В общем, не было в их семье разногласий, если не считать один случай, когда, невольно подслушав разговор между мужем и братом, она испугалась не на шутку...

* * *

Было уже половина второго ночи, а Алмаз еще не вернулся домой. Конечно, это не редкость. Муж и раньше задерживался, тем более что всегда предупреждал её, чтобы не ждала, укладывала Эльвирочку спать и сама без него ложилась. Но именно в эту ночь она почему-то не могла уснуть. Маялась в кровати, ворочалась с боку на бок, да и решила отправиться на кухню попить чаю. Свет включать не стала. Так и сидела, задумавшись, с чашкой у окна.

Когда в двери щелкнул замок, она поняла, что Алмаз вернулся не один, а с Амантаем. Хотела выйти им навстречу, но, прислушавшись к разговору мужчин, передумала.

Парни же, не прерывая беседы, скинули в прихожей обувь и, пройдя в гостиную, плюхнулись в кресла.

– Дверь в спальню прикрой, – тихо скомандовал Амантай.

Каниша услышала, как клацнул язычок межкомнатной двери.

– Да не переживай, мои девочки крепко спят, хоть из пушки пали. Пиво будешь? – послышался голос мужа.

– Ничего не хочу, рахмет! Комерсы так накормили, на неделю наелся, – хмыкнул Амантай. – Ты мне лучше ещё разок все детали расскажи.

– Ну ты и тугой! – шутливым тоном ответил Алмаз.

– Не тугой, а осторожный. Валяй давай.

– Короче, всё проще простого! Банк, где работает Лука, выдаёт нам кредит под залог приобретаемого имущества. Ни много ни мало – два с половиной миллиона долларов.

Услышав сумму, Каниша даже себе рот рукой зажала, чтобы не вскрикнуть.

– Мы с тобой загоняем деньги на счёт фирмы Эдика, якобы на покупку внедорожников. Потом мы будто бы гоним наши машины на перепродажу в Таджикистан. Договор, факсы, шмаксы – всё будет!

– Понимаю, – отозвался Амантай.

– На пути в Душанбе машины типа попадают в зону боевых действий, – воодушевлённо продолжал Алмаз. – Там сейчас такие случаи не редкость. Водилы типа сбегают, а джипы накрываются «медным тазом». После чего нам выдаётся справка – подтверждение, что всё так и было.

– А не придерутся, зачем мы джипы в Таджикистан продаём? Все ведь знают, что там творится.

– Уууу... Ну ты странный... Кто придерётся? Мы же деньги на всех «пилим», включая банк, который спишет нам эту задолженность по пункту форс-мажор. Не переживай, Лука к этой операции досконально подготовился. Он так всё оформит, комар носа не подточит.

– И по сколько мы наваримся? – восхищённо спросил Амантай.

– Не знаю, как наши боссы деньги делить станут, но думаю, не обидят.

– Да понятно, – горячо заверил Амантай. – Главное, даже если по полмиллиона дадут, мы себя с одной сделки до самой старости обеспечим.

– Ну не знаю, – усмехнулся Алмаз, – лично для меня этого недостаточное. Хочу крутую машину, дом у моря и стартовый капитал на собственное дело. Короче, мне не хватит... Есть у меня одна мыслишка, как наши доли приумножить...

– Излагай, – голос Амантая прозвучал заинтересованно.

– Брюлики!

– Что брюлики?

– Предлагаю объединить наши доли и набрать камушков.

– А на жизнь?

– Не смеди, на жизнь нам и так хватает.

– Не знаю, – засомневался Амантай. – А ты уверен, что камни будут расти в цене?

– Даже не сомневайся! Лет через пять как минимум в два раза вырастут, а уж если как следует подождать, то и в десять. К тому же я эту тему пробил. Главное, брать крупные камни, от пяти карат и выше. Чем больше камень, тем больше растёт цена. А если повезёт и купим цветные... там вообще огонь! Розовые бриллианты, например, каждые десять лет на триста процентов дорожают! Думай, братишка! Когда повсюду наведут порядок, поздно будет! Сейчас действовать нужно!

– Да, тема крутая, – признал Амантай. – Пойдём на кухню, чайку жажнем, обмозгуем.

Каниша сидела, сжавшись в комочек и, не в силах пошевелиться, с ужасом смотрела на парней, которые, включив свет, сами остолбенели от неожиданности. По их растерянными лицам было понятно, что увидеть её здесь они явно не ожидали.

– О! Малышка! А ты чего не в кровати? Кипяток есть? – первым взял себя в руки Алмаз.

Каниша даже не шелохнулась, словно и не к ней муж обращался.

– Ребята, да вы просто воры и аферисты! – гневно выпалила она.

– Украл, не поймали, значит, заработал! – наставительно произнёс Амантай.

– Что ты сказал? – с издевкой переспросила Каниша и с презрением уставилась на брата. – А если поймут? Об этом не думали?

– Кого поймут? Куда поймут?

Алмаз наливал воду в чайник с таким лицом, будто искренне не понимал, о чём говорит жена.

– Малышка, ты хоть знаешь, что мы обсуждали?

– Догадалась! Не дурочка!

– А вот и нет! Всё, что ты слышала, это идея для сценария боевика. Банк финансирует одного режиссёра, а с нами консультируется по теме и предлагает стать продюсерами... Казахстан, детка, сейчас самостоятельное государство, и кинематограф у нас должен быть свой. Стало быть, и боевики с лихо закрученным сюжетом нужно самим придумывать. Вот и всё.

Алмаз поставил чайник на плиту, легко поднял Канишу на руки и, целуя, отнёс в постель. А через полчаса пришёл сам, и до утра они забыли обо всём на свете. Этой ночью он любил её так необыкновенно нежно, что все страхи и подозрения сами собой улетучились из её хорошенькой головушки.

Сказочная заснеженная аллея закончилась проезжей частью. Впереди возвышался жилой массив с желтыми от света окнами, припаркованными автомобилями и гуляющей около дома ребятней.

На перекрёстке перед Канишой притормозила зелёная шестёрка «Жигули». Водитель, крепкий молодой блондин в спортивном костюме и вязаной шапочке «петушок», предложил подвезти её до дома.

– Девушка, вы ничего такого не подумайте! Я от чистого сердца! Садитесь, довезу куда скажете.

– Спасибо, я уже пришла, – сухо ответила Каниша и демонстративно отвернулась, инстинктивно начав тереть в ухе серёжку. Дурацкая привычка осталась ещё со школы. И всё из-за того, что завуч сначала гоняла девчонок за проколотые уши, а потом вроде как смирилась, милостиво позволив носить только скромные украшения без камушков. Вот поэтому девочки, которые украшали ушки жемчужинкой или рубинчиком, увидев завуча, тут же хватались за серёжки и выкручивали их таким образом, чтобы из мочки выглядывали только дужки. Вот и тогда, повертев в пальцах одну из серёжек, она не заметила, как застёжка расстегнулась и золотая ромашка упала на дорогу.

– Девушка, не уходите! Вы что-то уронили! Хотите, я вернусь, вместе поищем! – взволновано крикнул водитель и резко тронулся с места, еле успевая проскочить на свой свет.

– Не смешно! – крикнула ему вслед Каниша.

Она перебежала через дорогу и повернула к дому... Каниша не заметила, что потеряла серёгу, да и потом об этом не вспоминала. Не до того было...

Дальше всё как в тумане: незапертая дверь в квартиру, рыдающая тётя Роза, раскиданные вещи... И пустой детский манежик. Шатаясь, она подошла к манежу и увидела исписанный подчерком Алмаза листок бумаги.

– Там всё на русском, я ни словечка не поняла, – всхлипнула за спиной Роза. – Скажи хоть, что написано?

Каниша взяла листок: «Малышка, так надо! Не ищи нас и не заявляй в милицию. Записку сожги. Мы тебя любим!»

Она не понимала, что происходит, чувствовала только, что это что-то страшное и, может, даже непоправимое. Не снимая сапог и шубы, кружила по

квартире, открывая и закрывая створки шкафов, выдвигая ящики комодов. И лишь убедившись, что исчезнувшие вместе с малышом мужчины прихватили не только детские вещички, но и документы, заплакала. Получается, они сбежали осознанно, сбежали надолго...

Добиться чего-либо от напуганной Розы было невозможно. Двести раз она пересказывала одно и то же: она с Эльвирочкой была дома, вдруг приехали Алмаз и Амантай, спорили по-русски, и она ничегошеньки не поняла. Потом велели ей ехать на центральный рынок и купить казы, не торопиться, выбрать килограмм пять самых лучших. Дали денег, сказали, что дождутся её дома. Роза уехала, а когда вернулась с базара, то обнаружила открытую дверь, раскардаш и исчезновение всех домочадцев.

В первый момент после исчезновения мужа и брата Каниша была уверена, что они вернуться, пыталась найти оправдание их побегу. Наверное, вляпались во что-то. Алмаз любит рисковать и Амантая за собой тащит. Нечего, побегают, уладят дела и вернуться. Тогда она им обоим устроит! Спросит с них за Эльвирочку! Видано ли дело, ребёнка без предупреждения из дома забирать.

Иллюзии исчезли, когда дом превратился в проходной двор. Сначала бритоголовые бандиты в чёрных кожанках заявили, всё вверх дном перевернули. Перетрясали каждую вещь: высыпали на пол муку и крупы, разбирали технику и мебель. Затем, словно озверев, выбивали подоконники и поднимали плитуса, шарили внутри вентиляции и разбирали смывной бачок в туалете. Кричали на неё, выпытывали, куда братец с мужем отправиться могли. Бить не били, видать, рука на беременную не поднималась. Только зло матерились, когда заплаканная Каниша прикрывала руками живот. Спасибо тётке Розе, ни на шаг от Каниши не отходила. Ругала налётчиков на чём свет стоит, самыми жуткими казахскими проклятиями осыпала. Один из них даже не выдержал и, сверкнув чёрными, как угольки, глазами, взял Розу за руку и, подтащив к дивану, усадил силой.

– Сиди, мать, не дергайся. Благодарю Аллаха, что шеф дал команду к вам с девкой не прикасаться, а то бы я тебе твой поганый язык ножом отрезал.

После бритых братков с обыском заявили милиционеры, и всё повторилось. Только теперь под протокол. Странно, но ни те ни другие так и не сказали, что именно они ищут в её квартире.

Всё мало-помалу улеглось, когда упрямая Роза уговорила Канишу позвонить родителям и те незамедлительно примчались к дочери. Кокшетауских связей отца и на Алматы хватило. Обыски и допросы прекратились, убитая горем Каниша была госпитализирована в клинику на сохранение. И только обезопасив дочь, Биржан и Айгуль Турсуновы направили все силы на поиск пропавших сына, внучки и зятя, даже частного детектива наняли. А через полгода прекратили, резко и без всяких объяснений. Что именно разузнали мать и отец в ходе своих расследований, они Канише так и не сказали. Просто наложили табу на эту тему и посвятили себя без остатка дочери и теперь уже единственной, рождённой после тех загадочных событий, внучке Динарочке.

– Что было, то прошло! Хватит себя жалеть! – отчетливо прозвучало из глубины сада. – Я открыл перед тобой все двери! Хозяева комнат, что скрывались за ними, уже рядом! Всё зависит только от тебя! Если не оттолкнёшь первого – найдёшь всех! Главное, знай, первая дверь самая важная, она – счастье твоей семьи! Прощай, малышка!

Каниша смотрела перед собой и ничего не видела. Сад, деревья, странный мужчина, похожий как две капли воды на Алмаза – всё пропало.

Было такое чувство, что она резко вынырнула из глубокого сна и снова ощутила подвижность тела. Для начала Каниша вытянула руку, но

пальцы наткнулись на что-то гладкое и прочное. Она ударила по отвердевшему пространству. Раз, второй, третий...

Звук от ударов был такой гулкой, словно она тарабанила по железу.

– Да хватит уже, – с досадой попросил Валентин Иванович. Недовольно сопя, он стоял за спиной Турсуновой, не понимая, зачем она так долго колотит кулачком по воротам.

– Да ё-моё, что с вами? Вот же звонок есть! Зачем стучать, если позвонить можно?!

Каниша посмотрела на него, на запертую калитку, и даже на машину скорой помощи. Стушевалась, покраснела и, опустив голову, чтобы водитель не понял, что с ней происходит что-то неладное, отошла в сторону. Валентин несколько раз нажал на звонок. С обратной стороны забора послышались шаги.

«Что это было? Галлюцинации? Сон среди белого дня? Я ведь совсем не помню, как снова здесь очутилась. Может, спросить у Валентина Ивановича? Нет, не стоит, подумает, что я сумасшедшая... А если откроет тот самый, похожий на Алмаза, как мне себя вести?»

Каниша почувствовала, что находится в шаге от приступа панической атаки. Бледная, с выступившими на лбу бисеринками холодного пота, она заставила себя сосредоточиться на глубоком дыхании, но вот заставить себя не смотреть в сторону забора не получалось.

Ворота открылись, но вместо призрака в вязаной кофте перед ними возник высокий улыбчивый парень с симпатичным карапузом на руках.

– Здравствуйте! Вам кого? – глядя на Канишу, по-казахски спросил он, но, сложив в уме машину скорой помощи и форменную одежду на женщине, догадался, что перед ним выездная бригада.

– Сейчас что, врачи по своему желанию приезжают?

Валентин и Каниша переглянулись.

– Извини, уважаемый, – заговорил Валентин, – у нас по этому адресу зафиксирован вызов. Миржан Сабитов, пятьдесят четвёртого года рождения, здесь проживает?

– Ошибка, отец, – переходя на русский, улыбнулся хозяин дома, – никаких Сабитовых здесь не проживает. Пошутил кто-то. А мы врача не вызывали. Слава Аллаху, все здоровы.

– Данияр, сынок, кто там пришёл? – у ворот появилась пожилая пышнотелая женщина в белом платке и с любопытством стала разглядывать непрошенных гостей.

– Перепутали, апа, – ответил парень, – какие-то Сабитовы на наш адрес скорую вызвали.

– Ойбай! Ну что за люди! – всплеснула та руками. – Да разве можно так баловаться... Всё из-за Интернета этого. Насмотрится молодежь там всякой ерунды и придумывает... как это слово-то, по телевизору говорили... – женщина пошевелила губами, – феньки! Обман, значит...

– Мама, не феньки, а фейки! Только это здесь ни при чём, – укоризненно произнёс Данияр.

– Пусть будут фейки, но всё равно обман! – настаивала женщина.

– Значит, вызов был ложный? – словно подбирая слова, медленно произнесла Каниша. – Тогда извините, мы поехали.

– Ложный, ложный, – закивала хозяйка, – хулиганит кто-то.

– Бывает, – развел руками Валентин, – весёлый у нас народ...

– Ээээ, погоди-ка, сейчас шелпекками вас угощу, – перебила его женщина, – раз зря приехали, хоть перекусите.

Женщина торопливо поспешила к дому. Каниша проследила за ней взглядом. Совсем другой дом. Не старый и заброшенный, а наоборот, крепкий и красивый, облицованный светлым сайдингом. Сердце колыхнулось, как большая рыба, и учащённо забилось. Что происходит? Что у неё с головой? Как за несколько минут ей могла привидеться такая чушь? Нужно срочно проверить голову, иногда подобными виденьями и провалами в памяти дают о себе знать опухоли мозга. Нужно срочно сделать МРТ.

– Может, не надо? Может, давайте уже поедем? – придвинувшись к Канише, прошептал Валентин, но та лишь покачала головой.

Зато молодой папаша с ребенком хорошо расслышал его слова и специально для Валентина пояснил:

– Шелпеки – это лепёшки такие, старики считают, что их нужно печь и раздавать людям, если снятся дурные сны или приходят духи.

– Да я знаю про шелпеки, я коренной алматинец, – смущенно проговорил Валентин, – просто неудобно как-то.

– Тем более, значит, вы наш русский, а наши все обычаи знают и чтут, – шустрая хозяйка уже протягивала ему пакет с румяными лепешками.

– Рахмет! – поблагодарил Валентин и направился к машине.

Валентин не был русским, но и рассказывать про то, что он немец, было уж точно здесь нехотать. Да и какая разница, что у тебя за национальность, главное, какой ты сам! Хотя сейчас всё по-другому, и люди всё меньше и меньше интересны друг другу. Живут как в скорлупе. Вот он уже полгода с Канишой ездит и ничегошеньки про неё не знает. Вроде не замужем, вроде одна воспитывает внука, Ержанчика. Дочка где-то далеко живет. А может, оно и к лучшему, и не надо ничьей судьбой интересоваться? Вот спросит Каниша про его жизнь... И что? Врать он ей бы не смог, а рассказывать про свои злоключения никакого желания нет – напугать можно. Люди разбираться не любят. Мало ли что суд, хоть и с опозданием, но оправдал его. Что толку? Сидел ведь в тюрьме. А многие считают, что тюрьму из человека не вытравить...

Выехав на широкую улицу, развернулись по направлению к горам и поехали вверх. В Алматы всегда так говорят: когда впереди горы – значит двигаешься вверх, а если горы остаются за спиной – значит вниз. Многие приезжие этого не знают и удивляются, когда на конкретный вопрос, как добраться до нужного места, алматинцы просто отвечают: это вам вверх, или, например, вниз столько-то метров. Да ещё для убедительности рукой махнут, куда следовать. Такие они, алматинцы, и такие у них привычки.

В машине каждый предавался своим мыслям. Хмурая Каниша со страхом думала о своих видениях и что нужно срочно позвонить подруге Бибигуль и пройти у неё в медцентре обследование. Не дай Бог, опухоль. Что тогда делать? Ержанчику всего двенадцать, а непутёвая Динка одна с ним не справится. А Валентин думал, что нужно попросить шефа закрепить его за другой выездной бригадой. Ну вот зачем ему на шестом десятке лет эти романтические, а самое главное, бесперспективные чувства к Канише, которая лишний раз в его сторону даже не посмотрит. Сидит, молчит. Будто это он этот дурацкий вызов организовал.

Люди! Они думают, что знают о жизни всё и удивить их уже нечем. Напрасно! Человек во всём зависит от хозяина Неба и Земли, от хозяина Мира – Вечного Тенгри, Манги Тенгри. И поверьте, вряд ли повелитель небес до времени сообщит им о своих планах.

Глава 2

Любовь с первого взгляда. Володаровка (СВК), 1985 год

– Эй, товарищи Турсуновы! Подъём! – заглядывая через перегородку на примыкающий балкон, весело прокричала тётя Женя Привалова. – Подъём, засони! Праздник проспите!

– Ну и горластая ты, Женька, – одетый в поношенную клетчатую ковбойку и синие треники, на соседней лоджии появился глава семейства Турсуновых, высокий и широкоплечий Биржан. – Красота! – довольно улыбнулся он, щурясь от яркого майского солнца, сияющего и лучащегося в утренней синеве неба.

С их пятого этажа панорама такая, что дух захватывает. А если учесть, что сорок новеньких кирпичных многоэтажек, построенных для работников уранового рудника, стоят на возвышенности, то весь посёлок, озерцо и перелесок видны как на ладони.

– С праздником, Биржанчик! Мир, труд, май, спички, мыло, керосин! – хихикнула Евгения. – Сигареткой угостишь?

Турсунов вытащил из карманов трико помятую пачку «Медео» и, протянув за перегородку, подождал, пока соседка выудит длинными ноготками одну штучку. После чего сам тоже отправил в рот сигарету и, облокотившись на перила, чиркнул спичкой.

– Здравствуйте, тетя Женя! – рядом с отцом в синей с белыми облачками пижамке возникла Каниша. – Спички, мыло, керосин! Зачем вы так сказали? – прильнув к Биржану, лукаво спросила она.

Турсунов вздохнул и укоризненно покосился на соседку.

– Тетя Женя шутит. А ты не стой босиком на бетоне. Беги, тапочки обуй!

Каниша хитро подмигнула соседке, а та подмигнула ей в ответ.

– Жень, при детях хоть не юмори, – выждав, когда за дочерью закроется дверь, попросил Биржан. – А если она в школе такое ляпнет? Сама знаешь, сколько неприятностей от прошлого заявления нашей Канишули натерпелись...

– Слушаюсь, товарищ заместитель парторга! – игриво ответила Евгения. – Как там моя подруга, всё вчера успела? Венок-то украинский доделали? Вы же на празднике будете Украину представлять! – прыснула Женя. – Биржан, а может, вы теперь не Турсуновы, а Турсунко?

– Ну тогда вы не Приваловы, а Прихаджаевы... Вы ж у нас узбеки!

– Это что-то с чем-то! – смачно затягиваясь сигаретой, произнесла соседка. – Моя Танюха твоей Канише обзавидовалась, плакала даже. Говорит, у неё и цветы на голове будут, и ленточки разноцветные, а у меня старушечье платье в разводах, тюбетейка и двадцать косичек. Я ей говорю: «Ты, Танька, только вслушайся, слово-то какое волшебное – тюбетейка! Происходит от тюркского слова “тюбе” и означает “вершина”. Ты в ней, Танюха, всех вершин достигнешь! Короче, говорю, не грусти, шёлк на платье я тебе куплю самый дорогой, а ещё разрешу надеть все мои кольца, броши и цепочки разом». В общем, насилу успокоила.

– Привет, Женёк! – на турсуновском балконе, кутаясь в халат, появилась жена Биржана, Айгуль.

– Привет, подруга! – отозвалась Женя.

– Слышу, вы тут жеребьевку обсуждаете. Это завуч по воспитательной работе придумал жребии тянуть – какая республика достанется, ту и будешь

представлять. Думаю, правильно. Они и песню исполнять будут подходящую: «Дети разных народов, мы мечтою о мире живем...» – тихо пропела Айгуль.

– Не спорю, – выпуская облако дыма, согласилась Привалова, – всё справедливо, просто смешно же... Тощий Валерка Шин будет армянином, а чеченец Иса Умалатов – латышом. Нет... ну правда же, весело?

– Ну Женька, не доведет тебя язык до добра в наше время...

Биржан поднял с пола грязную стеклянную литровку и, затушив в ней окур, для верности ещё и аккуратно плюнул в банку.

– Леонид шары надул? – по-деловому спросил он, опуская импровизированную пепельницу на место.

– Надувает, – поправив рыжие кудри, сообщила соседка. – Короче, через час выходим!

Жить в Володаровке (так в советское время назывался нынешний Сау-малколь) и работать на руднике было престижно. Со всего СССР сюда слетались лучшие специалисты. Бывшие москвичи, ленинградцы, томичи, алматинцы – здесь не в диковинку. Урановая отрасль управлялась из Москвы, поэтому в поселке для рудничных были предоставлены отдельные блага: московское снабжение, высокая зарплата и собственный микрорайон с развитой инфраструктурой, где в улучшенной трёшке и жили Турсуновы, переехав из Кокчетавы.

Своё раннее детство Каниша почти не помнила. И только навещая в Кокчетаве бабушку и прабабушку, оставшихся жить в тесной двушке с титаном в ванной, удивлялась, как они умудрялись размещаться здесь вшестером. А ведь жили раньше две бабушки, мама, папа, старший брат Амантай и она! И всем места хватало! Теперь же у них на четверых целых три комнаты, просторная кухня и лоджия. А шестнадцатилетний Амантай постоянно недоволен. Родители переселили его от повзрослевшей дочери в зал. А тут ему ни плакаты с рок-группами на стены повесить, ни музыку громко послушать. А ещё вся семья постоянно смотрит телек на его территории без угрызания совести и не заботясь о том, что нарушают его личное пространство.

Амантай красивый – весь в папу! Они оба высокие, плечистые и спортивные. У них густые волосы и одинаковые стрижки «ёжики». Оба черноглазые и густобровые. Но папа уже старый, ему сорок, а Амантай молодой, на него в школе все девчонки засматриваются. А когда он в баскетбол играет, половина Володаровки болеть приходит.

Да что там девчонки из школы! Таня Привалова, одноклассница, соседка и лучшая подруга Каниши, тоже вздыхает по Амантаю. Острая на язык тётя Женя постоянно над ней подтрунивает: «Эх, Танюха, нам, рыжим да конопатым, такой жених не по зубам!» Таня обижается и жалуется Канише. А та утешает подругу как может, называет её волосы не рыжими, а золотистыми, а про веснушки говорит, что их вывести легко. Вот станут они взрослыми, купят в магазине болгарский крем «Ахромин» и выведут все Танюхины конопущки до одной.

– Хорошо тебе говорить, – вздыхает младшая Привалова, – у тебя-то вон какое лицо чистое и волосы красивые, вьются без бигудей. А я...

Однако, поворчав и посетовав, Таня успокаивается. В двенадцать лет быстро успокаиваешься.

Первомайским утром на улице шумно и весело. Маленькие ребяташки носятся друг за другом, удерживая за нитки разноцветные надувные шарики и красные флажки. У девчонок постарше в руках бумажные цветы на длинных проволочных стеблях, обмотанных тонкой гофрированной бумагой. Нарядные мужчины и женщины здороваются, поздравляют друг друга с празд-

ником и небольшими компаниями не спеша направляются в сторону райисполкома. Там на площади уже установлена и украшена плакатами деревянная сцена. Сразу после торжественного митинга состоится праздничный концерт, на котором будут выступать школьники.

Неторопливая процессия заливается дружным смехом, когда ровно в восемь утра динамики, развешанные по всем улицам, сначала противно лязгают, шипят, а затем взрываются песней из фильма «Весёлые ребята»:

Легко на сердце от песни веселой,

Она скучать не дает никогда.

И любят песни деревни и села,

И любят песни большие города! – подпевают Утёсову жители Володаровки.

Приваловы и Турсуновы идут вместе с жителями рудничного микрорайона. Мамы с папами дефилируют под руку, Каниша и Таня чуть позади, стараясь не помять концертные костюмы, а Амантай позади, будто нарочно отстаёт. На нём темно-синие джинсы, бежевая рубашка, а в руке портативный кассетный магнитофон «Весна». После концерта они с одноклассниками встречаются на озере.

Каниша счастлива! Ей нравится это солнечное утро, синее небо и нарядная веселая толпа, стекающая к площади со всех улиц Володаровки. А ещё она гордится своими родителями. Они такие уважаемые и очень красивые! Тоненькая и невысокая мама в модном брючном костюме красного цвета и папа в строгом черном костюме с малиновым галстуком – прямо как с обложки журнала. К папе степенно подходят товарищи по работе, здороваются, жмут руку. С мамой тоже здороваются, кричат громко и даже издалека. Мама педиатр, она работает в поликлинике и лечит детей. Каниша хочет быть как мама и мечтает стать врачом.

– Здравствуйте, Айгуль Касымовна! С праздником вас, Айгуль Касымовна! – кричат дети и машут ей руками.

– С Первомаем вас, ребят! – улыбается в ответ мама.

К тётке Жене и дяде Лёне тоже подходят здороваться. Приваловы в поселке личности известные. Дядя Лёня – инженер на руднике, а тетя Женя возглавляет местную газету «Володарские новости». Она очень общительная и всё про всех знает. Но по красоте, как уверена Каниша, им с её родителями не сравниться. Тётя Женя – толстушка, а дядя Лёня ниже папы на полголовы и к тому же лысый.

Однажды, когда Каниша ещё в детский сад ходила, она долго разглядывала лысину отцовского друга, что-то прикидывала в уме, а потом, округлив хорошенькие глазки, выдала с детской непосредственностью: «Дядя Лёня, ты почему волосы не носишь? Тебе с волосиками будет лучше!» Турсуновы чуть в обморок от стыда не бухнулись. Айгуль покраснела и стала извиняться. Однако Привалов не обиделся, а его жена так вообще зашлась заливым смехом.

– Видишь ли, деточка, – крякнув, провел рукой по гладкой голове Привалов, – у умных людей всегда большой лоб. А я настолько умён, что мой лоб занял всю голову. Понятно?

– Нет! – честно ответила Каниша.

После её искреннего признания все взрослые и даже Амантай словно взорвались от безудержного хохота. Смеялись до слёз и не могли остановиться. Не выдержав приступа чужого веселья, она тоже расхохоталась, радуясь, что это ей удалось всех развеселить.

Непосредственность и правдивость Каниши постоянно вгоняли в ступор взрослых. Например, будучи ученицей младших классов, она с энтузиазмом

приняла участие в конкурсе рисования на тему «Будни нашего поселка». На своей картине она нарисовала улицы и дома, озеро и деревья. А чтобы дороги не выглядели пустующими, Амантай помог нарисовать на них машины. Получилось красиво. Молодое дарование заметили. Рисунок поместили на стенд школьного фойе.

Ну кто же мог знать, что с художницей Турсуновой захочет поговорить проверяющий областного отдела образования!

Это случилось на большой перемене. Директор школы, демонстрируя важному гостю стенд с рисунками, несколько раз намекнул на необходимость создания при школе рисовального кружка и увеличения штатного расписания ещё на одну единицу.

Каниша и Таня, вертевшиеся неподалеку, прислушивались к разговору педагогов.

– А мне кажется, что заложенных в программу уроков рисования вполне хватит, – казенным голосом произнес инспектор. – У нас во всех школах дети хорошо рисуют. Мы же не профильное учреждение, а общеобразовательное. Сегодня эта девочка увлеклась рисованием, а завтра она, может, плаваньем увлечётся. И что, нам бассейн строить?

Каниша поняла, что речь сейчас идёт о ней. Решительно встав между директором и очкастым незнакомцем, скептически разглядывающим её рисунок, она дотронулась до приколотой на груди октябрятской звездочки и пылко заявила: «Честное октябрятское, я не буду увлекаться плаваньем!»

Мужчина от неожиданности вздрогнул, и очки в толстой роговой оправе съехали к кончику носа.

– Как тебя зовут, девочка? – взяв себя в руки, натянуто улыбнулся проверяющий.

– Турсунова Каниша, второй класс, – отрапортовала бойкая художница. – Это я нарисовала!

– Молодец! – погладил её по волосам мужчина. – Какая активная девочка! А можешь мне рассказать, что на твоей картине изображено?

Директор школы, седенький сухопарый Иосиф Яковлевич как-то чересчур ласково посмотрел на свою подопечную и напутствуя кивнул.

– Это Володарское, – затараторила Каниша. – Вот наша школа, вот озеро, вон там мой дом. А вдалеке, где такие башни – там рудник. Мой папа работает на руднике.

– Отлично! – похвалил инспектор. – А что за грузовик едет по дороге к руднику? Это, наверное, молоковоз, который везет рабочим молоко?

– Нет! – рассмеялась Каниша и даже прикрыла рот ладошкой. – Это не молоковоз, это «зековоз», он возит зеков на работу! Вы что, зековозов не видели?

Сгрудившиеся рядом ребята тоже принялись хихикать и, тыкая пальцами то на рисунок, то на растерянных педагогов, повторяют: «зековоз, зековоз – зеков на рудник привёз!»

Дальнейшее описывать нет нужды! Работник областного управления народного образования накатал на директора такую докладную, что Иосиф Яковлевич еле усидел в своём кресле до пенсии. Благо, его проводы на заслуженный отдых состоялись через полгода.

А если честно, ну что такого крамольного сказала маленькая Каниша? В Володаровке каждый знает, что по соседству с рудником расположена исправительная колония. Здесь отбывают наказание рецидивисты, которых привлекают к подземным работам в шахтах. Возят их большими грузовиками в наглухо закрытом кузове, и машины эти все действительно называют «зековозами».

Конечно, после случившегося во втором классе было проведено экстренное родительское собрание, по итогам которого закошмаренные родители запутались разъяснять своим чадам, что можно говорить, а что нельзя. И как выход – приказали молчать в присутствии взрослых.

А зачем рисковать, когда Генеральным секретарём ЦК КПСС после смерти Брежнева стал комитетчик Андропов. И план у товарища Андропова по спасению социализма простой и понятный: повсеместная железная дисциплина и разгром инакомыслия. Сейчас уже никто и не вспомнит, как в то время в кинотеатрах, универмагах, рынках и даже банях проводились милицеские облавы по выявлению прогульщиков. Говорят, что на вопрос, пойдёт ли за ним народ, Андропов не задумываясь отвечал: «Пойдет, а кто не захочет – пойдёт за Брежневым».

Стоит ли говорить, что после проведенной беседы Каниша, Танюшка и Амантай ходили по школе тише воды, ниже травы, являя пример самых дисциплинированных учеников.

Но время идёт, и то, что когда-то казалось таким насущным, постепенно тускнеет и уходит на второй план. Сегодня в ликующей процессии по дороге на площадь уже мало кто вспомнит про злосчастный случай трёхлетней давности.

Сегодня они с Танюшкой уже заканчивают пятый класс. В этот период, когда девочки из детей и маминых дочек превращаются в подростков, их юные души начинают волновать более женские проблемы.

– Пстой, – Таня ухватила Канишу за руку, – пусть Амантай впереди нас идёт.

– Зачем? – искренне удивилась Каниша.

Ей уже не терпелось поскорее встретиться с другими одноклассниками, рассмотреть их костюмы. Покружиться перед ними в своей пышной красной юбочке – солнце-клёш, из-под которой виднелась нижняя, твердая от крахмала белая юбка с широким кружевом. Похвастаться фартуком, результатом папиной изобретательности, который самолично вырезал из цветной бумаги и наклеил на ткань передника украинский орнамент. Ну и самое главное... Под восхищёнными взглядами школьников надеть на голову свой роскошный веночек из капроновых маков и ромашек с длинными разноцветными лентами.

– Мне кажется, Амантай меня рассматривает, – краснея, произнесла Таня, – ну пожалуйста, давай его пропустим вперед.

– Да зачем ему тебя рассматривать? – вздохнула Каниша. – Он тебя и так каждый день видит. А сегодня ему вообще не до нас. После концерта он с друзьями на озеро идёт. Вчера допоздна «Машину времени» записывал.

Однако упрямая Привалова нарочно остановилась и, сделав вид, что завязывает шнурок на туфельке, присела на корточки, накрыв тончайшим облаком шелкового платья приличный пятак асфальта вокруг себя.

В отличие от Каниши, костюм которой не стоил Турсуновым значительных затрат, так как был сделан своими руками, узбекский наряд Танюшки встал Приваловым в копеечку. Ткань для платья им из самой Бухары привезли. Довольная тётя Женя Турсуновым целую лекцию прочитала про то, что пёстрый и привычный на вид узор ткани называется икат. А получается икат при использовании нитей с частичным окрашиванием. Но самое главное, что каждый икат имеет свое символическое значение: какие-то сочетания оберегают от неприятелей, какие-то помогают привлечь достаток, а ткань, привезённая для Танечки, мало того, что очень дорогая, так ещё и с икатом, дарующим девушке красоту.

Возня со шнурком затягивалась Танюшкой намеренно. Привалова младшая периодически поднимала голову и косилась то в сторону топтавшейся рядом подруги, то в сторону её брата, который вопреки ожиданиям тоже остановился и принялся выглядывать кого-то позади.

– Ну Тань, ну пошли уже, – нервничала Каниша, – мне ещё венки надевать.

– Успеешь, – шипела снизу «узбечка».

То, что произошло следом, слилось в памяти Каниши в единый миг. Миг, который запомнился на всю жизнь и перевернул всё в привычном ей мире с ног на голову.

Откуда-то с обочины раздался стрёкот приближающегося мопеда, и ярко-алая «Верховина», мечта любого старшеклассника, миновав невысокий бордюры, затормозила прямо около них.

– Ты, что ли, Турсунов, староста девятого класса? – крикнул лихой наездник, насмешливо разглядывая Амантая.

Незнакомец не отличался богатырским сложением и был гораздо субтильнее Турсунова младшего, но было в нём что-то такое, отчего на него хотелось смотреть во все глаза. По крайней мере Канише уж точно. Она даже охнула и, сделав шаг назад, наступила прямо на шелковый подол платья подруги. Привалова возмущенно пискнула, резко выпрямилась, платье треснуло и порвалось. Но и это не вернуло Канишу в чувство и не сдвинуло с места.

– Тогда давай знакомиться! – отточенным движением ноги паренёк установил фиксирующую подножку, слез с мопеда и, вразвалочку подойдя к Амантаю, протянул руку. – Я Алмаз Жентуриев, новенький.

«Алмаз!» – мысленно повторила Каниша. С этого момента это имя стало её любимым.

Может быть, другим людям новичок Володарской школы и не показался столь необыкновенным, но внимание на него местные, конечно, обратили. Уж больно он отличался от обычных поселковых ребят: слишком уж модный, прямо иностранец какой-то, волосы почти до плеч, косая чёлка, потертые джинсы и майка с непонятным гербом на всю грудь.

– Крутой мопед, – не смог сдержать восхищения Амантай, – вот бы мне такой!

– Да, неплохой агрегат, – небрежно кивнул Алмаз, – ковровый движок, и разгоняться может до пятидесяти... А у тебя, смотрю, «мафон» нормалёк, что, тусовка намечается?

– Да слезь ты, наконец, с моего платья! – Таня с силой толкнула замечтавшуюся подругу.

– У тебя мопед как у Сыроежкина из «Приключения Электроника», – не обратив внимания на гнев потерпевшей, воскликнула Каниша и подбежала к брату.

– Сестрёнка? – догадался новенький. – Зачётная «гёрла» вырастет.

– Амантай! – размазывая слезы, взвыла Таня. – Мне Каниша платье поврала, как я теперь выступать буду?!

– Ох, ничего себе! – разглядывая разошедшийся шов, почесал затылок Амантай. – Нужно срочно найти маму, она что-нибудь придумает.

Все дружно стали крутить головами, высматривая родителей, но их нигде не было видно.

– Сколько времени до выступления? – по-деловому осведомился Алмаз.

Амантай оттянул наглаженную манжету рубашки и посмотрел на часы.

– Через сорок минут начнётся.

– Моя мама может быстро зашить. Эй, рыжик, – он подергал Таню за одну из тонюсеньких косичек, – тебе повезло! Твоё платье зашьёт самая лучшая в области портниха. Прыгай на мопед!

Долго уговаривать «узбечку» не пришлось. Заколов прореху брошкой, она уже пританцовывала около «железного коня». Мопед зарычал и помчался в сторону микрорайона. Проблема была решена.

К назначенному времени нарядные и счастливые подруги звонко пели со сцены песню дружбы, которую запекает молодежь. И радовались, что песня их настолько живучая, что задушить или убить её ни у кого не получится.

Усиленная динамиками музыка была слышна даже на окраине Володаровки, где, подпрыгивая на кочках, нёсся, радостно пыхтя, ярко-красный мопед «Верховина», сделанный где-то далеко-далеко на Львовском заводе. Мопеду нравились его молодые наездники Алмаз и Амантай, и своим сердцем, то есть мотором, он чувствовал, что дружба, начавшаяся сегодня, продлится долгие годы.

Глава 3

Неподтвердившийся диагноз. Алматы. Наши дни

Закрыв изнутри дверь, неугомонная Биба, а для подчинённых Бибигуль Мауленовна Лукпанова, директор медицинского центра «Гиппократ», снова ла по кабинету как заведенная. На её массивном рабочем столе словно из ниоткуда появлялись вино, печенье, апельсины, баночка маслин и колбасная нарезка.

– Сейчас мы с тобой выпьем! – приговаривала она, открывая пластиковую пресс-форму с крупными маслинами, и тут же, подхватив пухлыми пальцами один из плодов, быстро отправила его в рот.

Каниша рассеяно переводила взгляд с Бибигуль на лежащий посередине стола снимок МРТ головного мозга. О том, что это именно её снимок, свидетельствовал приколотый степлером к уголку белый листок с надписью: «Турсунова К. Б., передать лично Бибигуль Мауленовне».

– Ну что ты смотришь, что ты всё смотришь?! – тараторила Биба. – У меня крутой аппарат, с самым современным и информативным методом диагностики. Тут тебе не хухры-мухры, а трёхмерные изображения в нескольких плоскостях. Ничего у тебя, дорогая подруга, не обнаружено! Никаких отклонений! Ты вообще, Турсунова, с чего взяла, что у тебя там может быть опухоль? Тебе отдых не помешает. Хочешь, бери Ержанчика и поживи у нас на даче? Там, правда, младшенький мой поселился, но так-то домина огромный, и в бассейне поплавать твоему внуку полезно.

– Спасибо, я подумаю, – помолчав, ответила Каниша. – Классно, что мои страхи не подтвердились! Но разобраться-то нужно, отчего мне мерещится то, чего нет на самом деле...

За прошедшие после странного видения дни она умудрилась внушить себе, что больна. При виде еды её тошнило, появилась слабость и вялость. А уж о плаксивости и говорить не стоит. Посмотрит на Ержанчика, и глаза на мокром месте. И вот теперь оказалось, что всё это надуманные страхи – как говорят коллеги, психосоматика. Вроде бы радоваться надо, но Каниша сидит как в воду опущенная – не отпускает её тот ложный вызов и призрак Алмаза.

– И мне, не поверишь, тоже порой много что мерещится, – Бибигуль громко рассмеялась. – Вот, например, собирается мой муженек в очередную командировку, а мне кажется, что молодую бабенку себе завел. И что, мне каждый раз МРТ делать?

Бибигуль, словно заправский сомелье, выдернула штопором из винной бутылки пробку и наполнила золотистой влагой бокалы.

– Чувствуешь, какой аромат? – втянув круглым маленьким носиком запах знаменитых виноградников долины Венето, она театрально закатила глаза. В винах Бибигуль стала разбираться с тех пор, как старшая дочка Маржан вышла замуж за итальянского винодела. Пословица «деньги идут к деньгам» – это прямо про Бибигуль. Бывают же такие судьбы, как говорится, без сучка и задоринки.

При «совке» родители Бибы были влиятельными аппаратчиками, поэтому девочка была, так сказать, из среды золотой алматинской молодёжи. Её весёлый нрав, искромётный юмор и щедрость с лихвой компенсировали далеко не модельную внешность пухленькой, крашеной блондинки. А уж с мужем как повезло! Сакен, тогда ещё рядовой работник «Куаныш-банка», а теперь его совладелец и известный в городе банкир, предпочёл смешливую коротышку Бибу длинноногим красоткам. И ведь не прогадал. Живут счастливо, трое детей, и все, слава богу, при деле. Бибигуль с мужем очень разные и внешне, и характером. Если Бибу можно сравнить с ярким новогодним шариком, вызывающим радость, то при виде её супруга вам как минимум захочется встать с места и, вытянувшись по струнке, отдать честь. Каниша даже не помнила, чтобы Сакен когда-то улыбался. Да и трудно представить, как он может это делать – его лицо постоянно выражает некое презрение и досаду. Даже на рядовое приветствие его персоны он сначала морщится и близоруко щурится поверх очков, и лишь потом коротко бросает «здрассте», демонстрируя всем видом, что архизанят. Хотя, по всей вероятности, таким формальным общением банкир Лукпанов удостаивает только подруг жены... Вряд ли он позволит себе быть столь нелюбезным, встречаясь с партнерами по бизнесу и уж тем более инвесторами. Ну да и флаг ему в банкирские руки! Дружбе Бибигуль и Каниши, которая длится не одно десятилетие, характер Сакена не помеха. У Лукпановых столько недвижимости и в городе, и в области, что всегда есть где встретиться и даже погостить с ночевой.

С Бибигуль они познакомились в той самой больнице, куда Канишу положили на сохранение в девяносто пятом сразу после случившегося в их семье горя. В то время Биба проходила там интернатуру.

– Хватит думать! Давай выпьем за здоровье! – Биба протянула бокал и легонько чокнулась с подругой.

Вино и впрямь оказалось вкусным. Не сладким, в меру терпким. Каниша чуточку захмелела, а проснувшийся аппетит вынудил соорудить бутерброд из соленого печенья и тонких пластиков вяленой колбасы.

– О! Трупик ожил! – рассмеялась Биба. – В другой раз как чёрные мысли одолеют, сразу дуй ко мне винчика выпить. Договорились? А над своим так называемым виденьем не заморачивайся. Ты же сама говорила, что спала в машине, думаю, это всё тебе приснилось. Знаешь, у меня спросонья бывает... Извини за подробности, сижу на унитазах, носом клюю и мне снится, что я умылась, оделась, позавтракала и дверь открываю... А потом, хоп, глаза открою, а я ещё в пижаме... А то, что Алмаз привиделся, так совсем не удивительно. Любила ты его очень. Да и кроме него, у тебя других мужчин никогда не было.

– Сама так думала, – покивала головой Каниша. – Но тогда как это объяснить?

Она закатала рукава трикотажной водолазки и вытянула вперёд руки. На обеих руках от запястья до локтя были видны небольшие царапины и ссадины.

– Тебе виднее, – хмыкнула находчивая подруга, – мало ли где оцарапаться можно.

– В том-то и дело, что мне негде! Я, когда по саду бежала, то за ветки цеплялась... Тут что-то не то...

– Хорошо, что мне ещё сделать, чтобы тебя успокоить?

– Послушай, Бибигуль, а ты не сможешь мне найти психотерапевта? – попросила Каниша и, помолчав, добавила: – Только очень-очень хорошего и своего... ну чтоб никто не узнал, о чём я ему расскажу.

Биба посерьезнела.

– А со мной ты более подробно не хочешь поделиться? Я, конечно, не психотерапевт, но тем не менее... Давай, подруга, колись, чего не договариваешь?

– Пожалуйста, не расспрашивай, – взмолилась Каниша, – я потом всё тебе обязательно расскажу... Просто мне сначала самой разобраться надо, что происходит. Понимаешь, в голове непорядок, – она устало улыбнулась и извиняющимся взглядом посмотрела в глаза подруги.

– Конечно, непорядок, – добавив вина в бокалы, согласилась Биба. – Во-первых, столько лет без отдыха, во-вторых, за дочку Динару сердце болит... Как там она в Турции своей? Замуж ещё не вышла? Сыном Ержанчиком хоть интересуется? Не забывает, что сынуля у неё особенный?

Каниша достала из сумочки смартфон и, выведя на дисплей фотографию Динки, протянула телефон Бибигуль.

– Ух ты! – восхитилась та. – Какая она стала! А дяденька симпатичный рядом с ней это кто? Жених?

– Знаю только, что зовут Сахиб. Пока просто встречаются, но Динка говорит, что намерения у него серьёзные. Только вот про Ержана она пока ему ничего не рассказывала, боится, что если узнает о том, что наш мальчик инвалид...

– Если намеренья серьёзные, то не бросит... – задумчиво протянула Бибигуль и кивнула Канише на бокал: – Давай выпьем за счастье наших деток! Пусть у них всё будет хорошо.

– Пусть будет лучше, чем у нас, – тихо произнесла Каниша и, сделав малюсенький глоточек, опустила фужер на стол.

– Так как насчет психотерапевта? – снова поинтересовалась она. – Для меня это очень важно!

– Ладно, Турсунова, не трагедизируй! Устроим!

Биба вытащила из ящика стола визитницу и, полистав, вытащила одну из карточек.

– Шапиро Соломон Натанович, израильский профессор, устроит? Ведёт семинар в клинике моей приятельницы. У него своя методика, говорят, Юнг отдыхает. На мой взгляд, работает этот Шапиро не совсем традиционно, но результаты блестящие. Могу договориться, чтобы принял тебя.

– Он на английском работает? С переводчиком? У меня-то с языками никак, только казахский да русский. Да и переводчик опять же... А мне бы с глазу на глаз хотелось.

– Расслабься, английский не понадобится. Он наш бывший соотечественник. Как договорюсь, так дам знать!

Глава 4

Алматы. Наши дни. Случайное знакомство

Майский субботний полдень выдался прекрасным. Чистая синева безоблачного неба, прогретая ещё не слишком жаркими солнечными лучами, цветущие деревья и яркая сочная трава на газонах радовали глаз и словно уговаривали алматинцев не торопиться нырять в свои авто и не спешить прятаться под крышами домов.

«О, люди! – ласково шептал ветерок. – Посмотрите, как прекрасен наш город! Хотя ненадолго отложите свои дела и с наслаждением прогуляйтесь по паркам, присядьте на скамеечку в сквере или просто пройдите по улицам!»

Выйдя из «Гиппократ», Каниша остановилась и облегченно выдохнула. Как же это приятно – осознавать, что волнения были напрасны. Если бы она была девочкой, то, наверное, побежала бы вприпрыжку вдоль по улице. Но в свои сорок девять она просто решила пройти через парк гвардейцев-панфиловцев до супермаркета «Юбилейный» пешком. Ей очень хотелось разделить радость с внуком. Само собой, рассказывать мальчику о своих видениях и страхах по поводу возможного диагноза она бы никогда не стала. Но побаловать вкусностями родного человечка сегодня сам Бог велел. Тем более что пирожные с творожной начинкой, продающиеся в этом магазине, были любимым лакомством Ержанчика.

Свернув с улицы Калдаякова, она неспешным шагом добралась до музея музыкальных казахских инструментов имени Ыхласа Дукенулы, известного кобызиста и композитора. На площадке перед музеем было многолюдно. Какой речи тут только не услышишь! Английский, китайский, немецкий и другие, неизвестные Канише языки сливались в какофонию и напоминали гомон птичьего базара.

С минутку полюбовавшись фасадом уникального старинного здания, в котором был расположен музей, Каниша хотела уже идти дальше, как недалеко от неё остановился туристический автобус. Из открывшихся дверей выпрыгнул молоденький гид, а затем мягкой волной вытекла толпа экскурсантов. В руке гида был зажат белый флажок с пересекающим ткань синим скандинавским крестом. «Финны!» – догадалась Каниша и с интересом стала рассматривать северных гостей.

Большинство туристов были перламутрово-белокожими блондинами и, независимо от пола, одетыми в светлые бриджи и футболки. Женщины практически без косметики. Лица приятные, открытые. Они словно по команде достали телефоны и, восхищенно переговариваясь, защелкали камерами, фотографируя фасад музея и прилегающую к нему площадь, на которой красовалась потрясающая скульптура кобыза. А как такой красотой не восхититься?!

Каниша вспомнила, как была здесь с Ержанчиком. Словно наперекор болезни, сковывающей движения, пытливый ум любимого внука готов без устали поглощать новые знания. И раз уж случилось, что большую часть своей жизни он вынужден проводить в шестидесяти квадратных метрах квартиры, мальчишка всегда несказанно счастлив, когда они с бабушкой отправляются в путешествия. Не прогулка, не поход, не вылазка, а именно путешествие! Только так бабушка и внук Турсуновы называют посещения парков, музеев и театров.

Самостоятельно из дома Ержан не выходит. Он хоть и может передвигаться, опираясь на тросточку, но на открытых пространствах теряется, рискует

упасть. И лишь рядом с моложавой бабушкой, которую многие принимают за маму, чувствует себя уверенно. Да и Каниша ходит с внуком медленно и так близко, что в любой момент готова его поддержать.

Однажды, вдоволь набродившись по залам музея, они присели в парке на лавочку. И Ержан удивил Канишу легендой о сотворении кобыза да невзначай обмолвился о своей вере в силу его исцеляющих звуков. Каниша еле слезы сдержала, глядя, как мальчишка вдохновлен и увлечен своим рассказом. Глаза мальчика светились, и он не обращал внимания на усталость, съехавший на бок сандалик и пальчики, натертые о пластиковую рукоять специальной тросточки.

– Бабушка! – он умоляюще посмотрел на Канишу. – Пообещай, что мы сходим на концерт, где будут играть только на кобызе.

– Почему только на кобызе? – поцеловав внука в макушку, спросила она.

– Потому что кобыз – это волшебство! Его сотворил Коркыт-ата, который искал ключ к бессмертию. Он объехал всю Землю, пока понял, что только музыка может остановить смерть. Он постоянно играл на нём и жил. Но когда он один раз уснул и перестал играть, он умер. Это, конечно, легенда, – повзрослому вздохнул Ержан, – но она мне нравится. Я знаю, что бессмертных людей не бывает, но, может, музыка кобыза хоть капельку вылечит мой ДЦП?

– Умник мой! Ты откуда это узнал? – обняла и прижала к груди Ержанчика Каниша. – Как же я тебя люблю, бабушка, сердце моё!

– И я тебя люблю, бабушка, – высвобождаясь из объятий, улыбнулся Ержан. – А прочитал я в Интернете, там про всё написано...

Им было хорошо вдвоём. Они беззаветно любили друг друга и могли подолгу разговаривать обо всём на свете. Жаль только, что со временем он стал отвыкать от матери, от Динки, которая в погоне за личным счастьем будто отодвинула сына на второй план.

«Наверное, это расплата, – часто думала Каниша. – Она ведь тоже выросла у бабки с дедом».

Избалованная, залюбленная и не знающая ни в чем отказа, Дина всегда творила то, что хотела. После девятого класса, разочаровавшись в школьном обучении, самостоятельно уехала в столицу. Там, в Астане, поступила в медицинский колледж. Учёба продлилась недолго – Ержанчик родился, когда ей было всего семнадцать. Материнство не увлекало эксцентричную Динару. Кое-как проведя с сыном два года, она снова уехала в столицу, на этот раз выбрав колледж сервиса и туризма, а затем перебралась в Турцию. После Динкиного отъезда в квартире Каниши снова появилась тётя Роза.

– Ради бога, извините, – приятный мужской голос вернул Канишу к действительности.

Молоденький гид с финским флажком просительно заглядывал ей в глаза.

– Ещё раз извините, вы не проводите одну из моих пожилых туристок до скамеечки?

– Я? – удивилась Каниша, слегка опешив от такого предложения: «Неужели “врач скорой помощи” у меня на лбу написано?»

– Вы! – нетерпеливо произнёс экскурсовод. – Да не переживайте, бабушка просто натерла ноги неудобной обувью. Я бы и сам проводил до скамейки, но мне пора группу в музей заводить.

Гид явно нервничал.

– Интересная просьба, – Каниша беспомощно развела руками.

– Ну пожалуйста, – паренек скорчил умоляющую гримасу. – Вот вам моя визитка, так сказать, на всякий пожарный случай. Если что, звоните, я прибегу.

Он протянул Канише продолговатую карточку и поспешил ретироваться.

– Ладно, провожу до скамейки, – обращаясь к спине экскурсовода, согласилась Каниша. – Но вы же понимаете, что я по-фински не разговариваю.

– И не надо, голубушка. Я прекрасно говорю на русском! – сухонькая бабулька в кокетливой соломенной шляпке и светлом брючном костюме дотронулась до её локтя.

– Представляете, перепутала, голова садовая, – тихонько смеясь, произнесла она слегка дрожащим старческим голосом. – Думала, едем на концерт, и вот... – старушка указала глазами на свои элегантные узкие туфли.

– Оказывается, сегодня по программе день музеев, – вздохнув, продолжила она. – Вашу чудную Кастеевскую галерею я кое-как выдержала, но девять залов музея музыкальных инструментов мне точно будут не под силу. Так что не взыщите, голубушка...

Манера речи пожилой финки, да и весь облик любого бы заставили оказать ей услугу.

Канишу всегда удивляла и восторгала жажда жизни западных пенсионеров. Вот поди ж ты, в таком возрасте путешествуют! Знакомятся с культурой и природой далеких стран. А наши... Да после шестидесяти пяти ездят, как правило, только на свадьбы и на похороны. Про заграничный тур им и в голову не придёт.

– Предлагаю взять меня под руку, – обратилась Каниша к старушке. Та благодарно согласилась и засеменила рядом. Неспешный моцион продолжался до тех пор, пока, удалившись на приличное расстояние от музея, они не обнаружили свободную лавочку.

Расположившись на скамейке среди раскидистых каштанов, старушка тут же скинула надоевшие туфли и, расплывшись в блаженной улыбке, стала разглядывать парк.

– Божественно красивое место, – наконец вымолвила она. – Весь ваш город потрясающий. У него энергетика старого друга: он какой-то честный и гостеприимный. Когда-то много лет назад я мечтала в нём поселиться, но не получилось.

– Что есть, то есть, – улыбнулась Каниша. – Я тоже люблю Алматы, хотя родилась не здесь.

– Посидите со мной немного, – по-детски неуверенно попросила бабулька и тут же добавила: – Но если вы торопитесь, то можем проститься.

– Можно и посидеть, – опускаясь рядом с пожилой путешественницей, ответила Каниша. – Сегодня у меня выходной, и ничего страшного не произойдет, если недолго побуду с вами в парке.

Они улыбнулись друг другу.

– Тогда уж давайте знакомится! Я – Анна Хекенен из города Лаппеенранта. Вы в Финляндии бывали? – старушка протянула для рукопожатия сморщенную узенькую ладошку.

– Очень приятно, Анна, а я Каниша и, честно говоря, вообще ни разу не была за границей.

– Какое мягкое имя, и вам оно подходит, – сделала комплемент Анна. – А то, что нигде не были – не беда, какие ваши годы? Захотите – весь мир перед вами!

– Да что вы, – смутилась Каниша, – куда уж мне теперь! – И, чтобы избежать дальнейших расспросов, перевела разговор в другое русло. – Если вы Востоком интересуетесь, то обязательно посетите наш Туркестан. Там очень интересно и колоритно. Строения, мечети... Знаете, что такое мусульманские мечети?

– Конечно знаю, – слегка обиделась Анна. – Вы, наверное, думаете, что Финляндия – это заснеженная страна, где кроме финнов никто не живёт? Ошибаетесь, голубушка, у нас разные национальности проживают, и, между прочим, даже есть такая народность, как финские татары. Естественно, они мусульмане, и поэтому в Финляндии тоже есть мечети. Может, не такие роскошные, как у вас, но ведь у финнов всё рационально-компактное.

– Первый раз слышу! – призналась Каниша. – Удивили! Хотя вы и сама удивительная, путешествуете, языки учите, вот на русском как чисто разговариваете, хотя он вам не родной...

– Не родной, но так уж по судьбе сложилось, – на секунду замялась и как-то погрузилась Анна, но потом, словно воспрянув духом, снова принялась рассказывать про Финляндию. И по её интонации Канише было понятно, что старушка своей страной гордится.

– У нас в Финляндии практически все знают несколько языков. Финским и шведским каждый владеет, английским процентов восемьдесят, ну и русский тоже учат. У нас с Россией общая граница, много совместного бизнеса, да и связи семейные тоже... Финляндия не такая большая страна, и мы понимаем, что учить наш язык в других странах не станут. Но мы, финны, от этого совсем не страдаем, а только выигрываем. Чем больше языков знает человек, тем больше перед ним открытых дорог.

Каниша спорить не стала, а лишь с большим интересом посмотрела на собеседницу.

– А знание русского – так тут вообще ничего удивительного, – продолжила Анна. – Я ведь ингерманландская финка. Слышали про таких? Да к тому же родилась на казахской земле, в городе Кокшетау, тогда его называли Кокчетав.

Последнее заявление удивило Турсунову. Не каждый день можно встретить туриста из Финляндии, который вдруг окажется земляком.

– Вы серьёзно? Это как же это ваших родителей в наши места занесло? Я ведь тоже родом из Кокшетау.

– Занесло, – печально покивала Хейкенен, – не по своей воле занесло... И такое бывает. Если вам интересно, могу рассказать... и про родителей, и про то, как моя мама до своего последнего дня верила, что родила меня благодаря богине Умай. Знаете про такую?

Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что Каниша ответила не сразу. Собиралась с мыслями, вспоминая всё, что когда-то читала и слышала о великой тенгрианской богине степняков.

– Умай? – недоуменно переспросила она. – Ну да... знаю... Это древняя богиня тюркских народов. Когда казахи ещё не были мусульманами, то поклонялись властителю неба Тенгри, богине Умай и другим божествам.

– Всё верно, – загадочно улыбнулась Анна. – А мама рассказывала, что разговаривала с ней, как с живым человеком... Представляете?

Каниша пристально посмотрела на соседку по лавочке, на что старушка встрепенулась и, легонько коснувшись её руки сухонькими пальчиками, успокаивающе произнесла:

– Да не переживайте! С головой, в отличие от ног, у меня полный порядок! Просто мне уж очень хочется поделиться с вами своей историей. Начну, пожалуй, с рассказа про нашу семью.

Анна была интересной рассказчицей, и Каниша не заметила, как увлеклась её удивительной историей.

Глава 5

История, рассказанная Анной

– Моя мать Хелен и мой отец Роберт – родом из Ленинграда, так в советское время назывался Санкт-Петербург, – не отводя глаз от растущих напротив сосен, словно за их стволами пряталось прошлое её родителей, начала рассказывать Анна. – В том, что финны ингерманландцы испокон веков населяли Ленинградскую область России, нет ничего удивительного. Эти земли, в древности именовавшиеся Ингерманландией или Ингрией, были их родиной. И при шведских королях, и при российских царях, а потом и при Советской власти Хекенены родных мест не покидали.

Беда пришла в их дом незадолго до начала Второй мировой – в СССР начались акции по обеспечению безопасности приграничных территорий и освождению их от социально опасных, то есть неблагонадежных, с точки зрения советского правительства, элементов. Зачистки производились по этническому принципу. Финны попали под раздачу. Из каждой финской семьи военные представители выбирали одного или двух человек, которым предписывалось оставаться на месте. Всем остальным приказывали явиться в назначенное время на вокзал, имея при себе еды на шесть дней и две пары нижнего белья.

Сколько слёз пролила молоденькая Хелен, оставшись в заложниках! Ей пришлось проводить родителей, любимого мужа Роберта, сестёр и братьев. Она видела, как военные под прицелом оружия загоняют их в вагоны длинного обшарпанного поезда с надписью «Добровольные переселенцы».

Дом семьи Хекенен был передан государству. А юная Хелен была трудоустроена уборщицей в Ленинградский музей этнографии, с правом проживания в отдельно выделенном помещении по месту работы. Крохотная комнатка размещалась в цоколе музея, но для Хелен это было лучше, чем оказаться в коммуналке на сорок человек.

Через пару месяцев пришла весточка от Роберта, он писал, что оказался в северо-казахстанском городе Кокчетаве, остальных членов семьи угнали на юг Казахстана.

Чтобы не сойти с ума от горя и одиночества, Хелен в свободное время посещала лекции просветительского этнографического центра, расположенного в здании музея, где в один прекрасный день выслушала доклад учёного-тюрковеда о раскопках могильника в урочище Кудыргэ.

По мнению учёного, главной ценностью этих раскопок были не утварь и украшения из драгоценных металлов, а камень-писаница с единственным в мире изображением древней тюркской богини Умай. По преданию, Умай – всемогущая покровительница тюркских народов. Она говорит на священном языке богов, и каждый смертный, на каком бы языке он ни обращался к ней за помощью, будет ею понят и сам поймёт её речь.

Услышанное запало в душу молоденькой Хекенен и, зная, где стоит камень с изображением Умай, она по ночам стала взывать к богине. Просила только об одном – найти родных и вернуть ей мужа.

И Умай откликнулась. Однажды она явилась перед Хелен в образе величественной женщины в роскошном восточном одеянии и заговорила с ней:

– Я сделаю всё, о чём ты просишь, – сказала богиня, – но и ты помоги этому камню покинуть свой плен. Отколи от него три частички и отдай их синему волку. Завладев малым, он заберёт целое. Этому камню не подобает здесь находиться!

Испуганная до полусмерти Хелен долго приходила в себя после того, как образ богини растворился в воздухе. Однако отступить она не собиралась.

Купив на рынке ножовку, девушка умудрилась за неделю отпилить от камня Умай три малюсеньких кусочка. Но где искать волка?

Хелен отправилась в зоопарк. В будний день она стояла у вольера с серыми хищниками абсолютно одна. Неожиданно летнее небо затянули тёмные тучи, волки в клетке задрали морды и протяжно завывали. И тут случилось чудо. Что-то мягкое потёрлось о её руку. Хелен повернула голову и увидела стоящего рядом с ней огромного волчину с густой голубоватой шерстью. Зверь посмотрел на неё умными глазами, и Хелен, достав из кармана три каменных крошки, показала их хищнику. Она не испугалась, когда нежный язык зверя коснулся ладони и слизнул камушки. Волк исчез, и небо снова просветлело.

А на другой день началась война. Хелен прошла курсы санитарок и отправилась на фронт, где незадолго до Победы встретила своего любимого мужа Роберта.

После войны, увешанные фронтовыми наградами, они вдвоём вернулись в Кокчетав и, разыскав всех родственников, перевезли их к себе.

– Я родилась в пятидесятом, – улыбнулась Анна, – и моё детство можно назвать счастливым.

– А что стало с камнем из музея? – напомнила Каниша.

– Иначе чем волшебством это не назовёшь... – рассмеялась финка. – Все находки могильника Кудэргэ, включая камень-писаницу, бесследно и загадочно пропали. Вы об этом можете в Интернете прочитать, – закончив рассказ, старушка испытующе посмотрела на Канишу.

– Удивительная история, – согласилась та и улыбнулась рассказчице. – Но отчего вы иммигрировали в Финляндию? Хотя что тут спрашивать?.. Европейская страна, высокий уровень жизни.

– И вовсе не из-за этого, – поджала губы Анна. – Просто жизненные обстоятельства... Можно сказать, что для нас с дочкой так было лучше – подписаться на программу переселения в Финляндию ингерманландцев. Но по Казахстану скучаю ужасно. Хорошо, что в этом году выбраться получилось.

По аллее прямо к их скамейке спешил экскурсовод в, его руке виднелся пухлый пакет.

– Мадам Хейкенец, из отеля доставили ваши кроссовки. Помочь переобуться?

– Да что вы, Тимур, сама справлюсь.

Старая Анна сменила обувь, тепло попрощалась с Канишой и отказавшись от предложенной руки кавалера поспешила к своей группе.

О великий, непознаваемый Тенгри! О великая заступница Умай! Зачем на нашем пути возникают незнакомцы и делятся с нами своими историями? Что это? Знак? Намек? Тема для размышления? Скажите, что это не просто так! Дайте знать, что случайностей не бывает.

Глава 6

Дядя Валя. Алматы. Наши дни

Бродя между пёстрыми полками супермаркета, Каниша вдруг вспомнила мамину подругу Евгению Привалову и не смогла сдержать улыбки. Эпатажная, склонная к театральщине тётя Женя однажды устроила целое представление прямо в магазине, чтобы помочь им с Танюшкой выучить и прочесть с выражением отрывок из статьи Белинского о театре. Тот самый,

растиражированный в СМИ и советских фильмах и начинающийся словами: «Любите ли вы театр...»

– Пылкости вам не хватает, понимаешь, Канишуля, страстности такой, от сердца, от костей, от всего нутра, что ли, – наставляла тётя Женя, передвигая по штанге вешалки с потрясающими импортными платьями, в то время как сопровождающие её девятиклассницы не могли отвести взгляда от заветной красной коробочки с итальянской косметикой.

Подвох был в том, что в специализированном рудничном магазине, торгующем первоклассными импортными шмотками и первосортными продуктами, можно было отovarиваться исключительно по талонам. Талоны же выдавались только работникам рудника на сумму, не превышающую десяти процентов от зарплаты. Поэтому чтобы купить что-то стоящее, приходилось копить несколько месяцев. Но ведь никто не запрещал держателям талонов просто так разгуливать по этой «пещере Алладина». Бесплатно радовать зрительные, осязательные и обонятельные органы. Рассматривать и трогать потрясающие наряды, вдыхать ароматы французских духов, водить носом над прилавком с голландскими сырами и испанской вяленой колбасой. Ведь даже переживать эти ощущения в стране пустых полок и тотального дефицита доступно далеко не всем жителям Володаровки, а только избранным, рудничным. Поэтому привилегированные дамы посёлка зачастую проводили здесь свободное время.

– Я придумала! – неожиданно громко воскликнула тётя Женя. – Девчонки, смотрите!

Она сняла со штанги умопомрачительное зелёное в черных разводах шифоновое платье и, приложив к себе, встала напротив зеркала. Платье идеально ей подходило. Глаза Приваловой увлажнились и засверкали...

– Магазин!.. – понизив голос, как-то интимно и восхищённо, словно взывая к божеству, произнесла Привалова. – Любите ли вы магазин так, как люблю его я, то есть всеми силами души вашей, со всем энтузиазмом, со всем исступлением, к которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлений изящного? Или, лучше сказать, можете ли вы не любить магазин больше всего на свете, кроме блага и истины? И в самом деле, не сосредоточиваются ли в нем все чары, все обаяния, все обольщения...?

В торговом зале наступила тишина. Бродящие между торговыми рядами покупатели на секунду остолбенели, а затем, не сговариваясь, одарили Евгению аплодисментами. Тётя Женя помахала всем рукой и, повесив платье на место, подошла к девочкам.

– Вот, как-то так! Думаем о магазине – говорим о театре. Что поделывать, если наш вечный недостаток всего на свете притупляет аппетит к духовной пище. Стыдно, конечно. Но надеюсь, девочки, мы доживём до того времени, когда в наших магазинах наступит изобилие...

Она заговорщицки подмигнула смущённым подругам.

– Мам, ты зачем нас позоришь? – сдавленно произнесла Таня. – Вот обязательно кто-нибудь в школу наступит. Помнишь, что было, когда Каниша инспектору облно про зековозы сказала?

– Ничего не будет! – усмехнулась тётя Женя. – Во-первых, Горбачёв – не Андропов, во-вторых, скоро вообще ничего не будет...

Значения последних слов девятиклассницы тогда не поняли.

«Эх, тётя Женя, тётя Женя... – с нежностью подумала Каниша, толкая перед собой наполненную тележку. – Где вы теперь? Живы ли?»

После пережитой трагедии она оборвала всякое общение с людьми из своего прошлого, включая школьную подругу Танюшку. После закрытия руд-

ника семейство Турсуновых в полном составе обосновалось в Алматы, поселившись в трёхке вместе с дочерью и внучкой Динарочкой. А в начале двухтысячных она похоронила родителей на местном кладбище. Сначала ушёл отец – сказала долгая работа на вредном производстве, а затем и мама, тоскующая по любимому мужу.

Уже на кассе, раскладывая покупки по фирменным пакетам, Каниша лихорадочно соображала, сможет ли дотащить всё разом до дороги, где намеревалась вызвать такси, или лучше выйти из супермаркета прямо с тележкой. Была бы поклажа полегче, можно было бы и на метро доехать – станция в пяти минутах от её дома расположена. Но тащить такую тяжесть в руках, да переходить с эскалатора на эскалатор... Нет уж, увольте! Она, конечно, не старушка, но и её возраст – уже не молодость.

– Добрый день, Каниша Биржановна! Давайте помогу!

– Ой! Валентин Иванович, здравствуйте, – смутилась Каниша, глядя, как огромные ручки водителя легко подняли четыре её пакета, доверху набитые покупками. Она зачем-то одернула и без того отлично сидящую на ней бежевую водолазку, поправила быстрым движением собранные в «дулю» волосы на макушке и замешкалась, не зная, как вести себя дальше.

– Вы всё купили или ещё куда-нибудь планируете зайти?

– Я? Нет... я всё купила, – ответила она.

– Ну тогда выходим, – улыбнулся Иммель. – Вы сейчас домой?

– Да...

– Значит, сделаем так, – по-хозяйски произнёс водитель. – Сейчас погрузим всё в машину, а затем я отвезу вас до дома. Идёт?

– В машину? – переспросила Каниша. – Но вы же сегодня тоже не работаете.

– Верно, – усмехнулся Иммель, – мы погрузим всё в мою личную машину. Фольксваген вас устроит?

– Ой, простите, я что-то... как-то... А это удобно? У вас, наверное, дела?

– Никаких! – парировал мужчина и галантно пропустил Канишу, локтем распахнув перед ней стеклянную створку магазинной двери.

Новый водитель скорой помощи, с которым она ездила уже несколько месяцев, был ей симпатичен. В первый день знакомства он показался ей похожим на мультяшного Шрека, безумно любимого Ержанчиком. Дочь Динка наверняка бы назвала его «не душным», на её языке – это комплимент. Валентин и вправду не душный, с ним легко и даже приятно находиться рядом. Никаких лишних разговоров, чистота в машине. Недаром же говорят про немецкую чистоплотность. А ещё от него исходили флюиды надёжности и безопасности. За многие годы работы в скорой помощи только рядом с ним у Каниши получалось поспать на рейсе в рабочее время.

Белоснежный Volkswagen Golf, припаркованный неподалеку от супермаркета, вспыхнул узенькими фарами, отреагировав на появление хозяина.

Разместив пакеты в багажник, Иммель открыл перед Канишой переднюю дверцу и помог устроиться на сидении. Внутри безупречно чистого салона приятно пахло яблоком. Заняв место за баранкой, Валентин Иванович хитро покосился на Канишу и, изменив голос, неожиданно произнёс: «Уважаемые пассажиры! Капитан корабля приветствует вас на борту нашего лайнера и желает вам удачного полёта! Пристегните ремни и приготовьтесь к взлёту!»

Не ожидавшая такого юмора от вечно хмурого водителя, Каниша рассмеялась и посмотрела на сидящего рядом мужчину чуточку по-другому. Что-то теплое шевельнулось в её душе и на мгновение вернуло в молодость, в ту беспечную пору, когда ей всегда было легко и радостно.

– А музыка в полёте будет? – неожиданно для себя спросила она.

Иммель потянулся к бардачку, невзначай коснувшись обтянутых джинсами коленей пассажирки, и вытащил флешку. Через секунду по салону разлились нежнейшие звуки.

– «Et si tu n'existais pas dis-moi pourquoi j'existerais? Pour traîner dans un monde sans toi sans espoir et sans regrets...» – запел старина Джо Доссен.

– Э си тю нэкзистэ па димуа пуркуа жэкзистэрэ... – потеряв над собой контроль, подпевала великому шансонье неприступная и строгая докторша Турсунова.

Валентин Иванович боялся дышать, он был абсолютно счастлив. Интересно, знает ли Каниша перевод этой песни, ведь он поставил её неспроста. Там такие слова... Ну ни отнять, ни добавить...

– Если б не было тебя,

Зачем мне жить, вот в чём вопрос.

Год за годом бесцельно бредя,

Без надежд, без снов, без грёз...

«Ну и о каком переводе в другую бригаду ты, старый осёл, размышляешь?! – мысленно отругал себя Иммель. – Трус ты, Валя, а не мужик. Нужно просто быть рядом. Наслаждаться присутствием, а там как получится...»

Каниша же перестала стесняться и пела уже во весь голос. Пела красиво, как когда-то в вокальном кружке Володарской школы, куда они ходили с Танюшкой Приваловой. Нет, она не испытывала никакой эйфории, наоборот, она умудрилась дать происходящему трезвую, с её точки зрения, оценку.

Валентин Иванович классный мужик, но, несмотря на то, что по возрасту он старше её на пару-тройку лет, вряд ли видит в ней женщину. Так, коллегу, хорошего человека, и не более того. Мужчины, они ведь до семидесяти женихи, и глаза их отдыхают на молодых и красивых. А раз так, то можно и собой побыть. Да и вообще, она ведь не пела лет тридцать, наверное, а когда-то так любила. Да и честно сказать, просто так на машине её тоже давно никто не подвозил. Только на скорой помощи и такси ездит... Но это не считается. А Валентин подвёз. Мог бы не подходить, затеряться в толпе покупателей. Сама она его бы в жизни не увидела.

– Валентин Иванович, – убавив звук, с тревогой спросила Каниша, – вы же, получается, из-за меня так в магазине себе ничего и не купили? Вот я растяпа, даже не поинтересовалась... Вы же наверняка туда за покупками пришли.

Вопрос застал Иммеля врасплох. Он почесал голову, нахмурился и промямлил что-то невразумительное, типа, заходил, смотрел, потом не вспомнил.

– Да вы не переживайте, я в том районе живу и в «Юбилейном» часто бываю, – наконец выкрутился он. И, глядя на расстроенное лицо Каниши, добавил: – Хлеб дома кончился, хотел свежую лепешку купить, только и всего...

– Ну слава Богу! – выдохнула Турсунова. – Тогда я поделюсь с вами лепёшками, я их четыре штуки купила. И не вздумайте отказываться.

Остальную дорогу они ехали молча и музыку больше не включали.

Припарковав машину около подъезда, Валентин отказался перекладывать хлеб в багажнике и, подхватив пакеты, вызвался донести их до квартиры.

На звуки открывающейся двери в прихожую вышел Ержан. Ну и видок был у внука! Мягкие домашние штанишки сползли ниже положенного места, футболка надета на левую сторону. Худенький, как тростинка, он, сгорбившись, стоял на присогнутых ножках, придерживаясь одной рукой за стену, и с любопытством разглядывал незнакомца, втаскивающего в двери пластиковые сумки.

Утром Каниша уехала в «Гиппократ», когда мальчик ещё сладко спал. Проснувшись, он проявил самостоятельность и одевался без бабушкиной помощи. Получилось как получилось...

– Ержанчик, иди в свою комнату и прикрой дверь, – на казахском обратилась Каниша к внуку, – дяденька сейчас уедет.

Но не тут-то было. Мальчишка уже заметил в одном из пакетов коробочку с любимыми пирожными и, пропустив сказанное мимо ушей, шагнул к сумке. Оторвавшись от стены, сильно качнулся, но Валентин успел ухватить его за плечико и не дал мальчишке позорно растянуться на полу.

– Салем, джигит! – с улыбкой сказал Иммель и, не отпуская паренька, протянул ему свободную руку.

– Давай, что ли, знакомиться? Меня зовут Валентин Иванович, но тебе можно просто дядя Валя. А ты, стало быть, Ержан?

– Да, – засунув маленькую ладошку в лапищу дяди Вали, ответил мальчик. – Это вам бабушка сказала, что я Ержан?

– Так точно! Мы ведь с ней вместе работаем.

Каниша тем временем перетаскала сумки на кухню и, переложив две ещё теплые лепёшки в целлофановый пакет, вернулась в прихожую.

– Ну вот, – она протянула хлеб Иммелю, – спасибо, что подвезли и помогли сумки дотащить. Хороших вам выходных, и до встречи на работе.

– Дядя Валя, не уходи, – разволновался мальчишка. – Бабушка, ты чего? Гостя нужно чаем угостить! Ты всегда мне так говорила... Ты же пирожные с творогом купила. Давайте вместе чаю попьём.

От такого натиска взрослые замешкались. Иммель посмотрел на Канишу, но её лицо вновь было строгим и отстранённым.

– Нет, сынок, не сегодня, – помогая Ержану снова добраться до стены, проговорил Валентин. – Мне пора домой, бабушка устала. В другой раз чаю попьём.

– Нет, сегодня! Чтобы как у всех, чтобы вы наш гость, а мы вас угощаем. По выходным ко всем людям гости приходят. А мы всегда одни да одни.

В голосе мальчика появились слезливые нотки.

– Ты что такое говоришь? – снова перешла на казахский Каниша. – А тетя Биба, а бабушка Роза когда из аула приезжает? Разве можно так себя вести при чужом человеке? Может, он к своей семье торопится, может, его дома свои внуки ждут?

Но, видимо, неожиданности сегодняшнего дня для Каниши ещё не закончились, потому как Иммель вдруг снял кроссовки и, подойдя к женщине, спокойно произнёс:

– Семьи у меня нет и внуков тоже, и дома меня никто не ждёт. Ставь, то есть ставьте чайник, будем троём чай пить.

– Вот видишь, бабушка! Вот видишь! – обрадовался Ержан. – Я же говорил, что дядя Валя хочет чаю.

Они пробыли вместе до позднего вечера. Сначала чинно пили чай, а потом, когда признались, что все уже проголодались и пожевали бы чего-нибудь по-настоящему пирожных, сообща принялись готовить быстрый ужин. Каниша, презрев приличия, облачилась в домашний халатик и фартук, и работа закипела. Валентин удивлял Ержанчика, демонстрируя ему скоростную чистку картофеля, Каниша нарезала овощи на салат и варила купленные в «Юбилейном» говяжьих сардельки. А Ержанчик без умолку рассказывал новому знакомому, что в России ребята-инвалиды организовали туристическую компанию и устраивают дальние путешествия даже для колясочников. И что он, когда подрастёт, тоже отправится с ними куда-нибудь на Камчатку смотреть на гейзеры.

Дух жареной картошки наполнил аппетитным ароматом всю квартиру. Стол получился отменный. И как только, шутя и переглядываясь, троица опустошила блюдо с жарёхой и сардельками, Валентин предложил отправиться в путешествие уже завтра.

– Зачем нам Камчатка? У нас в Алматы такие красивые места есть – закупаешься! Глупо путешествовать за тридевять земель, если у себя под носом ничего не видел. Предлагаю завтра с утра отправиться в живописнейшее ущелье Алма-Арасан, подышать воздухом и поплавать в бассейнах тамошнего спа. Водичка там с подогревом, да и на улице почти лето.

– Я за! – Ержан, словно ученик на уроке, поднял вверх руку. – Даже если бабушка откажется, я с вами сам поеду!

Мальчик был полон решимости и намеренно не смотрел в сторону бабушки.

Каниша, которая собиралась отказаться от предложения Иммеля, оказалась в заложницах. Как врач, она отлично понимала, что нервировать внука нежелательно. Дети с ДЦП бывают капризны и могут впасть в истерику – ничего не поделаешь, недуг серьёзный. В их размеренной жизни она научилась обходить острые моменты уговорами и лаской. Но сейчас это бы не помогло, да и выглядело бы некрасиво, если бы, сидя за одним столом, она принялась бы читать внуку нотации на родном языке. Ведь Иммель, как она догадалась, хоть чуть-чуть, но понимал по-казахски.

– Может быть, дождёмся следующих выходных? – как можно мягче проговорила она и погладила Ержана по коротко стриженной голове.

– Нет! – отрезал внук. – В следующие выходные в другое место поедем. Дядя Валя сказал, что интересных мест у нас в городе много. Зачем время терять?

– Логично, – поддержал юного единомышленника Валентин Иванович и пристально посмотрел на Канишу. – Я за вами приеду к девяти утра. Обещаю часам к трём-четырёх доставить обратно домой. А теперь давайте прощаться. Завтра увидимся!

Канише ничего не оставалось, как согласно кивнуть головой. И только в дверях, подавая гостю ложку для обуви, она требовательно попросила никогда не озвучивать внуку каких бы то ни было предложений без её согласия. Валентин Иванович ничего не ответил.

Как бы там ни было, но, закрыв за гостем дверь, она первым делом побежала к шкафу, лихорадочно вспоминая, где лежит её старенький купальник и есть ли он у неё вообще. Отяжелевший от обильного ужина Ержан зашел за ней следом и, усевшись на диван, несколько минут молча наблюдал за её безрезультатными поисками.

– Прости, бабуль, – наконец произнёс он, – я знаю, тебе не понравилась моя решительность, просто надоело сидеть дома, и дядя Валик, он такой клёвый. Он мне очень понравился.

– Хорошо, – не переставая переключивать вещи внутри глубоких полок, отозвалась Каниша. – Только больше так никогда не делай.

Устав от бесполезного разбора вещей, она присела рядом с внуком и задумалась.

– Если тебе нужен купальник, то возьми в мамином чемодане. У неё там несколько старых лежит, – посоветовал внук.

– Точно! Как же я сама не догадалась! – Каниша чмокнула Ержана в макушку и побежала доставать с антресолей Динкин чемодан.

Ночью она долго не могла уснуть. Мучилась тревожными мыслями и корила себя за то, что согласилась на такую необдуманную, спонтанную поездку. Как ни крути, но Валентин Иванович чужой для них с Ержанчиком человек. А Ержан не просто ребёнок, под него подстраиваться нужно. И дело тут не только в физических ограничениях, но и в манере общения, умении держаться особым образом. Внук ведь как оголённый провод, все чувства, все эмоции на по-

верхности. Он, конечно, начитанный мальчик и в плане своей образованности может многим ровесникам нос утереть, только перебирает порой, не чувствует меры, что ли... Может такое нафантазировать, что люди диву даются.

Знакомый психолог, наблюдающий за внуком с самого рождения, всегда успокаивал Канишу, говорил, что с возрастом всё «устаканится», придёт в норму. Психолог объяснял, что фантазии компенсируют Ержану огромный разрыв между информацией, почерпнутой из фильмов и книг, и отсутствием личного жизненного опыта. Особенно ярко это проявлялось с шести до восьми лет. Каниша просто впадала в панику, когда Ержан, впервые познакомившись с любимым доброжелательно отнёсшимся к нему человеком, тут же называл его своим лучшим другом, да ещё и пытался убедить бабушку, что давно знает этого человека, подкрепляя свои слова на ходу выдуманными историями.

Она прекрасно понимала, что мальчишке нужны друзья, обычные ровесники, которые бы помогли ему погрузиться в свой ребячий мир. Может быть, где-то грубый и, с точки зрения взрослых, неправильный, но свой – мальчишеский.

Какое-то время она постоянно приглашала ребят со двора к себе в гости. Шумно и весело отмечала день рождения Ержанчика. Накрывала столы, полные «вкусняшек». Разрешала детям шуметь, играть в приставку, носиться по комнатам... Закрывалась у себя в спальне, стараясь не вмешиваться, то есть честно исполняла роль крутой и продвинутой бабушки. Чтобы быть в «теме», ей приходилось читать все книги, которые читал внук, слушать рэп, который нравился внуку, знать героев любимых им аниме и дорам. И в результате именно она стала для внука лучшим другом и собеседником.

А вот устраиваемые ей детские тусовки ни к чему не привели... Они всегда заканчивались почти одинаково и вовсе не так, как хотелось Канише. Поначалу такие застенчивые и вежливые мальчишки, вдоволь наевшись и шумно наигравшись, убегали на улицу, зачастую даже не попрощавшись. Зачем им этот странный мальчик-инвалид, когда можно гонять на велике или самокате, играть в футбол или просто прошвырнуться по ближайшему скверу? В такие моменты сердце Каниши готово было разорваться на части от сострадания к внуку. Ержан не понимал, почему его никто не слушал, почему толстяк из соседнего подъезда, хихикая, назвал его «тощим калечем», а другой мальчик пытался сесть на него верхом, когда Ержан, не устояв на ногах, опустился на четвереньки.

Нет, бывал внук, конечно, и в компаниях других детей. Например, Биба приглашала Ержанчика на все детские праздники, которые отмечались у многочисленной родни семейства Лукпановых. Там, конечно, Ержана никто не обижал, но и отношение к нему было формальное, из цикла: «Как дела?» – «Хорошо!» – «Тебе здесь нравится?» – «Да, спасибо!»

В общем, лучшей компанией для Ержана была и оставалась бабушка.

А тут, с Валентином Ивановичем, мальчишка словно с катушек сорвался, готов был с ним даже один уехать... С одной стороны, он хоть и маленький, но мужчина. Только нужно ли ему это мужское общение, а вдруг привыкнет?

Воскресное утро было великолепным! Проснувшись пораньше, Каниша, позевывая, выползла на кухню приготовить завтрак и с удивлением обнаружила там внука. Ержан сидел за столом при полном параде: спортивные штаны, свежая футболка, новые носочки. А на её дежурное «с добрым утром», только поинтересовался, не звонил ли дядя Валя и не забыла ли она о том, чтобы положить в сумку шорты для плавания, которые в прошлом году привезла из Турции мама.

Валентин не опоздал. Как и договаривались, в девять часов его машина стояла у подъезда, а сам он поднялся к ним на этаж и помог Ержану спуститься. Поначалу Иммель всё время порывался подхватить мальчика на руки, но Каниша этому категорически воспрепятствовала. Ходить с тросточкой внуку полезней.

Добрались до горного спа без пробок довольно быстро. Всю дорогу Валентин Иванович удивлял Турсуновых своими знаниями горных достопримечательностей. Каниша поймала себя на мысли, что, прожив в Алматы большую часть жизни и считая себя алматинкой, не смогла бы так сыпать подробной информацией, как этот простой водитель скорой помощи.

– Наше место отдыха расположено на северном отроге Заилийского Алатау на высоте более тысяча семисот метров, – вещал Иммель, поглядывая через салонное зеркало на Канишу и Ержана, расположившихся на заднем сидении. – Кто мне подскажет, как называется это ущелье?

– Алма-Арасан! – счастливо улыбаясь, выпалил Ержан.

– Бинго, дружище! Это действительно одно из самых живописных ущелий в окрестностях Алматы – Алма-Арасан. Здесь протекает речка Проходная, из-за чего некоторые называют его ещё и Проходным. Вы только полюбуйтесь, какие здесь ели! А как пахнут душистые травы! Вот могу поспорить – нет на свете места красивее наших гор! Кто против – может покинуть машину! – Валентин театрально скорчил свирепую гримасу.

– Я не против! – засмеялся мальчишка и тут же толкнул локтем бабушку: – Ба... ты чего молчишь? Наши горы же самые красивые в мире?

– Конечно, самые красивые, – задумчиво кивнула Каниша.

«А он совсем другой человек, этот Иммель, – думала она. – Интересный, раскованный, судя по всему, образованный... И находиться в его компании мне приятно, о внуке вообще и речи нет. Вон как жадно каждое слово дяди Вали ловит. А может, мне хватит напрягаться? Может, лучше расслабиться и прекратить настороженно искать подвох во всём, что происходит? Забыть и отрешиться, хотя бы на время, наслаждаться этим днём, здесь и сейчас. Всё! Хватит! Запрещаю себе сегодня все дурные мысли! Сәлем, горы, и алға!»

Небольшое разногласие случилось только внутри спа-комплекса, когда они должны были разбрестись по раздевалкам. Возникла дилемма, как быть с Ержанчиком. Каниша считала, что в женской раздевалке все с пониманием отнесутся к присутствию ребёнка-инвалида. Однако Валентин Иванович, да и сам Ержан, от такого предложения категорически отказывались.

– Бабушка, я уже подросток! – возмущался внук. – Я сам стесняюсь раздеваться при тётеньках. Ты не переживай. Мы с дядей Валею справимся, просто дай нам мои шорты и купальные тапочки. Ну пожалуйста!

– Да хватит вам, Каниша Биржановна, переживать, – усмехался Иммель. – Всё будет нормально! Делов-то на десять минут, а спорим уже сколько?

И хотя Канише от возникшей ситуации было не по себе, она всё-таки согласилась.

В раздевалке, торопливо приняв душ и переодевшись в сплошной чёрный с белыми полосками, самый строгий из пляжного гардероба дочери купальник, она, словно солдат, заступила в караул у двери, из которой должны были выйти Ержан и Валентин. Прошло минут десять, но они так и не появились.

«Что-то случилось! – начала волноваться Каниша. – Не дай Аллах, Ержан поскользнулся на мокром полу, не дай Аллах, стукнулся головой...»

Вышедший из мужской раздевалки паренёк заметил её переживания и, махнув рукой в сторону уличных бассейнов, сообщил, что её муж и сын уже

там. Каниша облегчённо выдохнула и тут же разозлилась: «Что за глупости! Как можно подумать, что здоровяк Иммель мой муж! Ну что за глупая нынче молодёжь!»

На улице было многолюдно, шумно и весело. Народ с удовольствием плескался во множестве разнообразных бассейнов.

– Бабушка! Мы здесь! – сквозь гомон многоголосья донёлся родной голосок Ержана.

Каниша повернулась на крик и увидела стоящего в воде Иммеля, на вытянутой руке которого лежал на животе внук и что есть сил колотил ногами. Валентин Иванович придерживал мальчика свободной рукой за спину и что-то ему говорил, наклонившись к самому уху. Каниша подошла к кромке бассейна и присела на бортик.

– Привет! – неожиданно покраснев, произнёс Валентин и быстро отвёл глаза.

– Дядя Валик, скажи, бабушка красивая?! – громко выкрикнул Ержан. – Она как молодая девушка, и мамин купальник ей идёт! Ну скажи...

– Самая красивая! – как-то чересчур серьёзно ответил Иммель и сделал вид, что всерьёз занят обучением мальчишки навыкам плавания.

– Ержан! Ты почему тыкаешь Валентину Ивановичу? Он взрослый человек, – попеняла внуку Каниша.

– Мы перешли на ты! – тут же сообщил Ержан. – Так принято среди своих! На вы – к чужим обращаются, а на ты – к своим...

Спорить было бесполезно... Каниша спустилась в бассейн и, к удивлению сослуживца и внука, проплыла пару кругов красивым брасом. Там, в мире её счастливого детства, папа научил её и брата отлично плавать. А когда-то её заплыв на озере в Володаровке восхитил и Алмаза.

Время летело незаметно. Купаясь и греясь в жарких банях, а затем снова погружаясь в воду, они не заметили, как проголодались. Да и к тому же из расположенной на территории комплекса кафешки маняще запахло шашлыками и горячим хлебом.

Первым о своем желании поесть по-детски непосредственно заявил Ержанчик.

– Дядя Валя, а давайте здесь покушаем, – сглотнув слюну, мечтательно произнёс он.

– Не вопрос! – с готовностью отозвался Иммель. – Предлагаю перекусить, не одеваясь, прямо у бассейна.

Он кивнул в сторону открытого павильона с рядами пластиковых столиков.

Каниша испытала неловкость. Мало того, что Валентин сам рассчитался за недешевые входные билеты, вот и теперь наверняка вступит с ней в перепалку, отказываясь принимать от неё деньги за еду. Глупая ситуация. В этом месте даже обычные блюда стоят дороже, чем в городе, а зарплата водителя скорой помощи, хоть и приличная, но не такая большая, чтобы тратить её без особой надобности.

– Может, потерпишь до дома? – Каниша выразительно посмотрела на внука.

– Дома скучно, – откровенно признался мальчик. – Здесь лучше.

– Всё в порядке, – вступился за него Иммель. – Я тоже хочу покушать именно в этом кафе. – Он подмигнул Ержану. – Голодный водитель – злой водитель! Мне срочно нужны шашлыки и кола!

– И мне, и мне! – засмеялся Ержан.

В кафе, улучив минутку, Каниша прошептала Валентину, что обязательно вернёт ему деньги, потраченные на неё и внука. Иммель обиделся и грустно

пошутил, что ему жаль производить на неё впечатление неплатежеспособного мужчины. Затем, помолчав, попросил этой темы впредь не касаться. Каниша замолчала. Наверное, за эти долгие годы без мужчин она разучилась общению с ними и выглядит в глазах Валентина нелепой, вечно суеющей наседкой. «Пусть делает что хочет» – сказала она себе и, вдобавок к шашлыкам, заказала баночку светлого пива. Гулять так гулять!

Внук и Иммель не замолкали даже во время еды. Теперь они строили планы на следующие выходные.

– Недалеко от этого места, – увлечённо вещал Валентин, – находится старая японская дорога. Каждый настоящий алматинец хоть раз должен там побывать.

– Почему японская? – почти хором спросили Ержан и Каниша.

– Потому что её строили японцы!

– Дядя Валик, откуда в Алматы японцы? Ты меня разыгрываешь? – не поверил Ержан.

– И в мыслях не имею! – вытерев себе рот салфеткой, а затем подхватив чистую и быстрым движением вытерев измазанную кетчупом щёку Ержанчика, заверил Иммель.

В отличие от внука, который не придавал этой манипуляции никакого значения и продолжал слушать рассказчика с открытым ртом, в душе Каниши разлилась приятная теплота, и она с нежностью посмотрела на мужчину, которого до вчерашнего дня считала просто водителем. Не личностью, не человеком, а функцией, обеспечивающей ей и другим членам бригады передвижение от одной точки вызова до другой. Как же быстро может всё поменяться!

– Итак, рассказываю, – как ни в чём не бывало продолжал Иммель. – После окончания Второй мировой войны, в августе тысяча девятьсот сорок пятого года, войсками СССР в Маньчжурии была разгромлена японская армия. Про СССР знаешь?

Ержан утвердительно качнул головой.

– Так вот тогда в плену оказалось более полумиллиона японцев, которые были обязаны работать на стройках страны-победителя. Коммунистической партии Казахстана тоже дали задание определить, куда пристроить пятьдесят тысяч военнопленных. В общем, раскидало их казахстанское правительство по разным городам, но большую часть оставили в Алматы. Заключение привлекали к строительству каскада ГЭС в горном ущелье.

– Ух ты, – выдохнул мальчик, – бабушка, а ты про это знала?

– Нет, – честно ответила Каниша.

– Ну, а так как дело происходило в горах, где раньше только животных пасли, в первую очередь понадобилась дорога. Вот её-то и японцы и строили. Горный серпантин, или остатки рабочей дороги, которую когда-то прокладывали военнопленные страны восходящего солнца, сегодня являются одним из красивейших маршрутов, расположенных в парке «Иле-Алатау», её длина двенадцать километров.

– Я в жизни столько не пройду, – расстроился мальчишка. – Для меня сто метров рекорд, потом отдохнуть нужно.

– Дядя Валик уже всё продумал, – поднял вверх большой палец Иммель. – На машине мы подъедем в такое место, где дорога будет перед нами как на ладони. А потом... – он выдержал паузу и интригующе оглядел своих слушателей. – А потом мы хоть чуть-чуть, но пройдемся по этой дороге. Ержан, ты сколько вешишь?

Мальчик растерянно посмотрел на бабушку.

– Двадцать пять килограмм, – на автомате ответила та и, тут же спохватившись, добавила. – Нет, я против! Это же чистой воды авантюра! Валентин Иванович, я не дам вам нести на себе внука. Зачем? Подъехать и посмотреть это одно, а идти с Ержаном на руках это... это... ну ни в какие ворота.

– А кто сказал, что на руках понесу? – хитро прищурился Иммель. – Вы ведь про меня мало что знаете. А я, между прочим, всю молодость альпинизмом занимался. Я эти горы вдоль и поперёк облазил, и там всякое случалось. Вот вы про носилочные лямки слышали? Штуки такие из сверхпрочного материала? Для транспортировки людей в горах.

– Не слыхала и слышать не хочу, – категорически заявила Каниша.

– Ну бабушка! – стал канючить Ержан. – Мы бы далеко не стали подниматься. Чуть-чуть только. Главное же хоть постоять на этой японской дороге, пофоткаться... Вот помнишь, я тебе говорил про туризм для инвалидов, там даже тех, кто на колясках передвигаются, тоже переносят... Да я ради путешествия на всё готов!

– Валентин Иванович, вы забыли, о чём я вас вчера просила? – Каниша укоризненно покачала головой. – Ладно, я подумаю.

Противоречия бурлили в её голове. С одной стороны, она понимала, что мальчик вырастет, и не будь у него возможности познавать мир как у здоровых сверстников, он постепенно может впасть в депрессию, замкнуться, а с годами возненавидеть жизнь. Таких примеров полным-полно вокруг. Но, с другой стороны, она чувствовала, что с этого дня рухнет их тихий, устоявшийся домашний мирок, в котором им... а может быть, только ей, было так комфортно существовать, привыкнув к диагнозу внука и не замечая его новых интересов, интересов взрослеющего паренька, который рано или поздно распрощается с тепличным детством и станет мужчиной. А чтобы это произошло безболезненно, нужен личный опыт. Книги и фильмы тут не помогут. Он должен где-то бывать, общаться с мужчинами, испытывать радость и разочарования, преодолевать препятствия и верить в победу. Кто знает, может, это заставит его заниматься развитием своего тела. Есть же чудесные примеры, когда целеустремленные децепешники вставляли на ноги, тогда как медицина беспомощно разводила руками.

– Предлагаю заказать ещё и мороженое! – выпрыгнув из своих размышлений, предложила Каниша. Ей вдруг безумно захотелось, чтобы этот день длился как можно дольше и никакие страхи не могли его омрачить.

В город вернулись к четырём. Валентин легко усадил на руке Ержанчика и, объяснив, что это не что иное, как эксперимент в преддверии предстоящего восхождения, легко взбежал вместе с ним на третий этаж. Расставался с мальчишкой как со старым товарищем, обнявшись и ударив по рукам. Каниша вспомнила, что в машине остались очки внука, и спустилась вместе с Иммелем на улицу.

– Спасибо вам за всё, – делая вид, что протирает платочком стёкла с диоптриями, поблагодарила Турсунова и тут же, решив сделать мужчине комплимент, добавила: – Я даже не ожидала, что вы такой интересный человек, столько всего знаете. Наверное, книг много читали...

– Вы даже не представляете, сколько, – усмехнулся Валентин. Усмешка вышла кривая и какая-то недобрая, словно Каниша напомнила ему о чём-то крайне неприятном.

Каниша усмешку заметила. Но списала на то, что человек устал и скорее уже хочет распрощаться.

– Всё! Ещё раз спасибо, увидимся на работе! Ну и, конечно, хочу сказать, что мы с Ержанчиком всегда будем рады видеть вас своим гостем. Будем дружить, как говорится...

Она уже повернулась, чтобы направиться к подъезду, как Валентин Иванович удержал её, взяв за локоть.

– Ну, если мы будущие друзья, то я должен сказать вам правду сам. Мало ли, рано или поздно вам всё равно кто-нибудь расскажет. Так лучше если я сам...

– Какую правду? – сердце женщины учащенно забилося.

– Каниша Биржановна... – Иммель освободил её руку и отступил на шаг. – Каниша, вы должны знать, что я пять лет сидел в тюрьме. Это там, на зоне, я всю библиотеку перечитал.

Каниша почувствовала, как кровь ударила ей голову, разлилась шипящей лавой по мозгу. Она покачнулась, но устояла, выставив в упреждающем жесте ладонь с дрожащими пальцами.

– Уходите! – чужим хриплым голосом простонала она. – Уходите и забудьте...

– Каниша, дослушайте, меня давясь собственными словами, умолял Иммель. – бывает, – задыхаясь, словно давясь собственными словами, умолял Иммель.

– Валентин Иванович, надеюсь, вы всё поняли, ни о каких встречах или совместных выходных речи быть не может. Только работа... Поняли меня?

– Тогда мне легче перевестись в другую бригаду, – с вызовом произнёс Валентин.

– Отличное решение, – удаляясь к дому, ответила Каниша.

«И с чего я размечталась, что в мою жизнь может войти что-то светлое и хорошее? Всё светлое и хорошее оставило меня далёкой зимой девяносто пятого года, – стоя на лестничном пролете и вытирая едкие солёные слёзы, думала Каниша. – Смысл моей жизни – Динка и Ержанчик! Для них я сделаю всё, что в моих силах... Сколько смогу, как смогу, буду стараться, а там – как Бог даст...»

Эх, если бы Каниша знала, если бы смогла увидеть, что стоит она в этом сумеречном подъезде вовсе не одна, что тут и там на перилах лестницы, на узком подоконнике вентиляционного окошка да повсюду вокруг неё парят в воздухе еле заметные тени добрых аруахов – душ усопших родичей, которым известно её будущее и которые помогут ей преодолеть все невзгоды, истинные и надуманные, и снова обрести веру в лучшее. Жаль, мы не видим и не слышим своих аруахов... Сколько бы напрасных тревог мог избежать каждый из нас!

Продолжение в № 9, 2024.

